

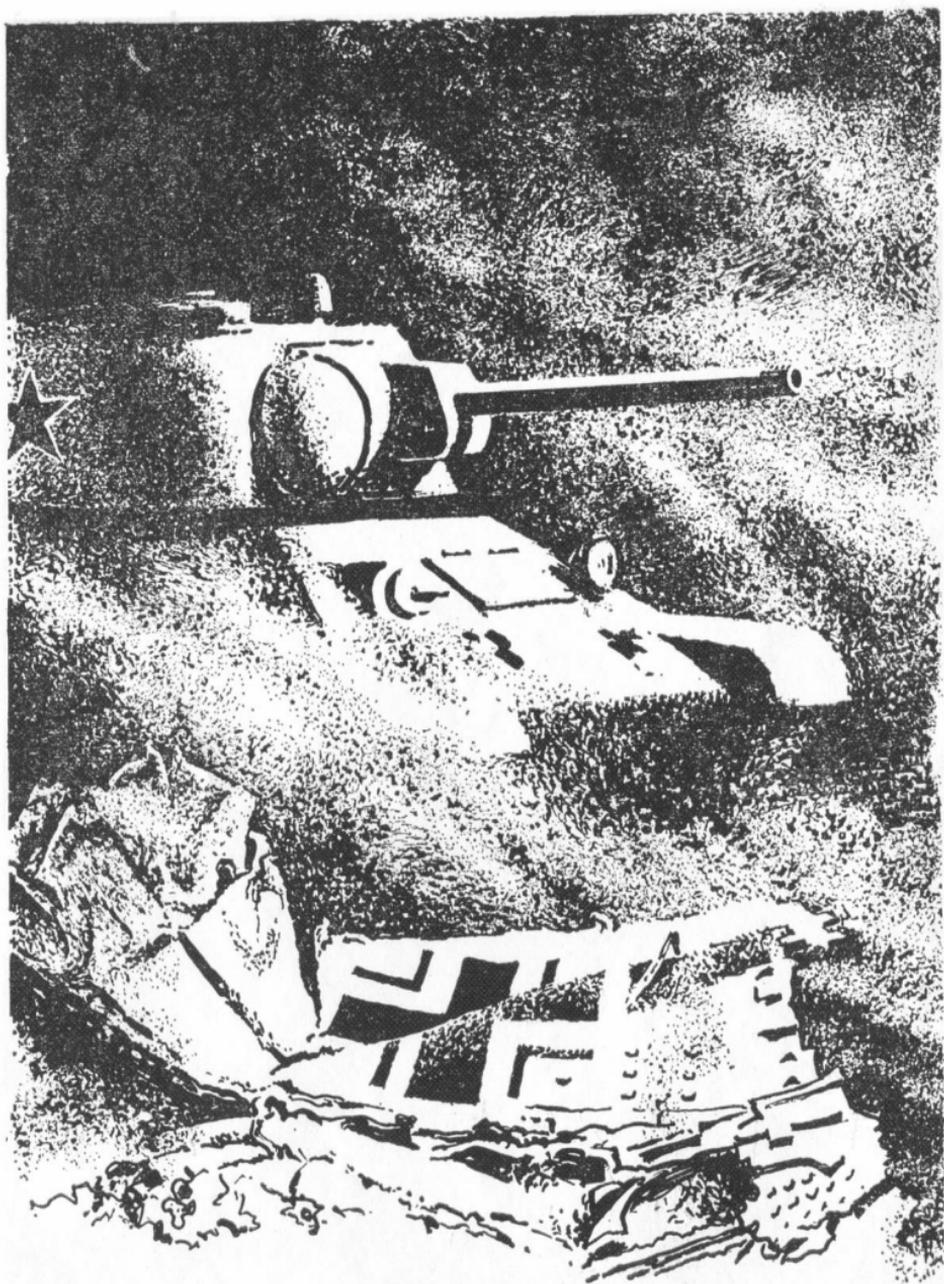

А. Иванов

БРОНЕВАЯ РАПСОДИЯ

Серия книг о Героях
Советского Союза —
москвичах

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

А. Иванов

БРОНЕВАЯ РАПСОДИЯ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1987

ББК 63.3(2)722.78
И18

И $\frac{1304010000-137}{M172(03)-87}$ 118-87

© Издательство «Московский рабочий», 1987 г.

ПИСЬМО ИЗ БОГУНСКОГО ПОЛКА

Мы в своей жизни старались быть похожими на тех изумительных людей, которые называются старыми большевиками.

Николай Островский

Резвый мартовский ветер разогнал клубы дыма от нарядного фасада гостиницы «Савой». Открылась панорама Гомеля: горящие дома, поваленные телеграфные столбы, перевернутые телеги, санитарные фургоны, мостовые ближних улиц без булыжника (разобрали для баррикад), магазины без витрин. Повсюду трупы, словно замершие в последнем ударе встречные волны: одни — чтобы сокрушить, другие — выстоять.

Над ними серыми воронами кружили обрывки листовок с неопрятными жирными строками: «Стрекопытов приказал...», «Ультиматум Стрекопытова совдепу...», «Командующий 1-й армией Российской республики Стрекопытов назначил комендантом Гомеля Степина...».

Как казалось Лизюкову, который смотрел в щель между мешками с песком, прикрывающими окно гостиницы, пахла эта рваная бумага не типографской краской. Отнюдь. Грудь теснило горечью пожарниц, духотой казармы, перегаром кабаков, сладковатой прелью крови и тлена.

Еще вчера город дышал весенней свежестью. Цветочницы бойко просили: «Купите подснежники! Самые первые». Работали почти все заводы и фабрики, торговали магазины, шумел базар. По улицам шагали патрули. Все это, несмотря на трудности военного времени,

организовали большевики. Они призывали жителей терпеливо строить новую жизнь, сплотиться вокруг Советской власти, быть бдительными, поддерживать порядок. Молодежь с рабочих окраин, приглашенная ревкомом во дворец князя Паскевича па диспут, горячо спорила о судьбах мировой революции, о своем месте в новой жизни. Перед собравшимися выступил С. С. Комиссаров, председатель Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов.

— Теперь перед вами открыты все пути,— сказал он.— Зорко берегите нами завоеванное!

Вместе со всеми Саша Лизюков кричал «ура!». Он радовался тому, что его мечта стать, как отец, учителем непременно сбудется.

И вдруг мятеж. 67-й и 68-й стрелковые полки 2-й Тульской бригады, недавно прибывшей в город, вышли из повиновения, оставили свой участок фронта, двинулись на город «наводить порядок». Заметив неладное в поведении солдат, появившихся группами в пригороде, Лизюков поспешил в совдеп. Там уже подняли тревогу: срочно собирали верные подразделения, рассылали гонцов в ближние гарнизоны, готовились к отпору. Председатель городской ЧК И. И. Ланге сообщил занявшему оборону в гостинице «Савой» небольшому сводному отряду, что заговор, возглавляемый группой бывших офицеров, не удался своевременно пресечь. Обстановка сложилась тяжелая.

С детства любимый Гомель выглядел чужим, поруганным мятежниками. Тошнота подкатывала к горлу и от того, что произошло с Лизюковым несколько минут назад. Вместе с другими защитниками гостиницы, уцелевшими от расправы работниками совдепа, ревкома, управления ЧК он бросился отражать очередной штурм. Спотыкаясь, бежал сквозь дым. Что-то кричал, тыкал штыком, махал винтовкой как дубиной.

Всех остановил пулемет. Кто-то сеял пули вслепую, не разбирая своих и чужих.

— Александр Ильич,— просипел рядом чей-то голос.— Не знаете?

Шрам на заросшей щеке от носа к уху — след пули корниловского офицера. Недавняя примета стрелочника, которому Лизюков по просьбе отца помогал сдавать экзамены в воскресной школе.

— Пенежко?

— Кольша, брат Ваньши.

— Откуда?

— Из тюрьмы.

— Выпустили?

— Сам Стрекопытов. Идите, говорит спасайте революцию. Ничего не попишешь, приходится ее выручать. А вы где? Третий день ищу. Нате вот...

Стрелочник вытащил измятый конверт.

— Неужели с ними?

Пулемет замолчал. Пенежко насупился, буркнув: «За отца с Петрушей не беспокойтесь, а нам лучше не встречаться», отполз за бревна. Ничего не успел ему объяснить сын учителя. В первом бою еще и не такое случается.

После вылазки Александр, пользуясь затишьем, достал конверт. Обрадовался знакомому почерку: «Гомель, Троицкая улица...» Старший брат Евгений писал:

«Дорогие мои! Простите за долгое молчание. Никак не мог о себе сообщить, потому что попал в коловерт. Наш полк носит имя славного Богуна. Входит в состав дивизии Щорса. Недавно я участвовал в рейде по тылам врага. Мы добыли ценные сведения. Всех разведчиков начдив отметил благодарностью, а мне сказал, что надо учиться на командира.

Саша, прими мой совет — иди в Красную Армию. Не опоздай, браток. За меня не беспокойтесь. Наши ребята

говорят, что смелого пуля боится, сабля и штык не берет... Пишите в Киев, в школу красных командиров».

Доведется ли? Вокруг кутерьма. Все поднялось на дыбы. Перед своим первым боем Александр по поручению управляющего делами гомельской ЧК Бочкина помогал снаряжать патронами ленты второму номеру пулеметного расчета Ивану Пенежку, старшему брату Кольши. Его, умельца-слесаря, приставили к «максиму». Иван признался:

— За второго сойду. А если первого номера того, что тогда? Ведь я ни разу не пулеметил...

Словно в воду глядел. Наводчика мятежники сняли в самом начале штурма. Слесарь «пулеметил» как мог. Потом председатель совдепа С. С. Комиссаров даже похвалил его: мол, главное, что «максим» не захлебнулся. Обратившись ко всем, кто находился поблизости, Семен Самуилович сказал:

— Для нас, товарищи, военное дело сейчас дороже хлеба. Стрекопытову и его банде нужен быстрый успех, легкая победа. Наша задача — сковать силы мятежников, не дать им расползтись. Пусть крутятся вокруг «Савоя». Вместе с тем в заговор вовлечены сотни обманутых людей. Им надо открыть глаза, показать, что стрекопытовцы не борцы за свободу, а предатели революции и грабители.

Иван тогда обратился к Комиссарову с просьбой насчет своего младшего брата — без вины виноватого.

— Продовольствие в госпиталь вез? — спросил его Семен Самуилович.

— Было.

— Куда продукты делись? Раненые и больные остались без куска хлеба. Отвечай: так или не так?

— Так.

— А говоришь, без вины. Заваруха кончится — раз-

беремся. Главное, чтобы брат еще что-нибудь не натворил.

Про «еще что-нибудь» пока знал только один человек, которому было известно и другое: как смело действовал Николай Пенежко во время корниловщины, а потом в борьбе с германскими интервентами.

У Лизюкова осталось четырнадцать патронов — три неполных обоймы. Меньше чем по одному на каждый прожитый им год. Послезавтра Александру исполнится девятнадцать. Не будет с ним рядом никого из родных. Хорошо бы повидать отца...

Трех сыновей — Евгения, Александра, Петра — растил гомельский учитель начальной школы Илья Устинович Лизюков. Рано овдовев, он заменил им мать. Пестовал детей за двоих по-мужски. Как успевал? Ночами, просыпаясь от воя непогоды, Саша видел отца склонившимся у лампы. Он то проверял тетради, то читал книги, то писал что-то для уроков или латал-штопал прохудившуюся одежку, обувь, стирал, гладил тяжелым угловым утюгом...

— Ты прилег бы, отдохнул,— просил Саша.

— Спать, сынок, не снопы вязать. К подушке прислонился, вот и освежился,— отвечал Илья Устинович.— Силы в человеке, как воды в роднике: чем больше черпашь, тем крепче становишься. Главное, где и для чего черпашь!

Мальчики рано испили из отцовского «родника», приобщились к его необычным просьбам: «Женя, сходи-ка к проходной завода Фрумина. Тебе передадут тетради рабочих из воскресной школы», «Саша, помоги отнести обед для дяди Буташевича в железнодорожные мастерские». Мальчики бойко шагали мимо полицейских, мастеров-осведомителей, которым в голову не приходило, что дети учителя, человека почтенного, уважаемого, проесли в обычных тетрадках письма рабочих-корреспон-

дентов для нелегальной типографии, расположенной в ту пору в дворовом подвале дома лесоторговца на углу Гуменной и Троицкой улиц, где неподалеку тогда жили Лизюковы.

Шли годы. Старшие братья стали юношами.

Наступила весна 1917 года. Гомель превратился в арену бурных событий. В городе сложилась сильная большевистская организация, развернувшая активную политическую деятельность. Отсюда протянулись нити связей в Петроград, Москву, Киев, по всей Могилевской губернии, а также в ставку верховного главнокомандования. Тогда в семье Лизюковых впервые услышали о товарище Михайлове. От его имени оповещали надежных людей о готовящихся забастовках, маевках, собраниях. Кто он, Михайлов? Как-то Саша спросил об этом у отца.

— Лично не встречал,— ответил Илья Устинович.— Говорят, его прислал в наши края Ленин. Михайлова дважды приговаривал царский суд к смертной казни. Придет время — узнаешь его настоящее имя, будешь гордиться тем, что не обошло тебя счастье: ты выполнял, пусть небольшие, поручения такого человека.

Не мог догадаться тогда гомельский парнишка, что ему выпадет и большее: лично узнать товарища Михайлова в замечательном советском полководце М. В. Фрунзе, а потом учиться несколько лет в военной академии его имени.

Сгущались тучи контрреволюционных мятежей. Темными августовскими почками застучали по рельсам эшелоны. Из теплушек неслись залихватские песни, конское ржанье. У классных вагонов — золотые погоны, аксельбанты, звон шпор, сабель. Корниловцы!

Комитет на срочном заседании постановил: «Дальше Гомеля не пускать. С солдатами, казаками провести работу, открыть им глаза». Застучали колеса потише, а потом вовсе замолкли. Двадцать пять эшелонов застыли

в тупиках и на запасных путях. Поездные бригады неторопливо копались на паровозах. Между тем вдоль составов ходили кому было поручено комитетом. Среди них и молодые гомельчане Николай Пенежко, Александр Лизюков и другие. Для вида заглянут в буксы, брякнут крышками а потом:

— Служивые, махорочки не найдется?

— Закуривай, мастеровые, не жалко. Скоро тронемся?

— Куда это вы собрались?

— Немецких шпионов давить.

— Что ж вы, вояки, от фронта мотаете в другую сторону? Вас ведь своих бить везут...

Как-то напоролись на поручика. Тот выхватил маузер, бросился на Пенежко. Не ударь Саша под офицерский локоть, лежать бы стрелочнику на шпалах. Едва его уволок от беды подальше. Осталась на щеке отметина. Только корниловцам не полегчало. Ни один из тех эшелонов дальше не тронулся.

Берегли гомельские большевики людей как могли. За каждого человека боролись. Вселяли веру в то, что новую, светлую жизнь надо строить справедливо, чтобы она была очищена от жадности и злобы, других недугов. Может быть, именно этим объясняется дружный напор рабочих, ремесленников, разночинцев на демонстрациях, маевках, перед которым часто пятились лавочники, фабриканты, лабазники, их челядь.

Недаром в октябрьские дни без сопротивления разоружили полицию, упразднили городскую думу и обнародовали: «Президиум исполнительного комитета Гомельского Совета рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения: 1) вся власть в Гомеле перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов...»

Эти крупные, как театральные афиши, листы расклеивал вместе с отцом и старшими братьями семилетний

Петруша. Тогда же простились с Евгением. Ушел он добровольцем с отрядом Красной гвардии.

Время набирало скорость. Враги внешне пятились, а скрытно перестраивались, готовились. В ресторанах и загородных дворцах, на свадьбах и похоронах устанавливались связи, плелась паутина мятежников, намечались центры руководства заговорами. Невидимая и неслышимая работа. Заметить ее было нелегко.

Едва стала налаживаться жизнь, как в Гомель вступили кайзеровские войска. Оккупанты принесли кабалу потяжелее царской. Все стало «ферботен» (запрещено). За нарушение людей отправляли за колючую проволоку или под трибунал, у которого была одна кара — расстрел...

Короткая пулеметная очередь оборвала воспоминания Лизюкова. Изготовившись к стрельбе, Александр осторожно выглянул из-за мешка с песком. Темные фигурки осаждающих гостиницу перебегали от укрытия к укрытию. Ближе и ближе. Уже слышны голоса. Приземистый длиннорукий человек в офицерском френче, размахивая наганом, торопил:

— Заходи правее!

«Мачигин! — узнал Лизюков бывшего командира 68-го стрелкового полка 2-й Тульской бригады. — Тоже сменил кожу. На митингах разливался соловьем про свободу, равенство, братство. Теперь ясно для чего».

Мачигин, Степин и другие офицеры царской армии до середины марта 1919 года тихой сапой разлагали батальоны, подразделения разведчиков, артиллеристов. Возглавлял заговор начальник хозяйственной команды 67-го стрелкового полка Стрекопытов, один из руководителей полесского повстанческого комитета, имевший крепкую связь с белогвардейским «Союзом спасения родины и революции».

Бывший штабс-капитан с тонким расчетом выбрал

интендантскую должность. В руках заговорщиков оказалось снабжение частей, подразделений. Оборотистый снабженец быстро договорился с местными торговцами, сельскими богатеями, уголовниками. Начались тщательно спланированные акции: вагонами исчезали продовольствие, снаряжение, обмундирование. Заметая следы, подчиненные начхоза торопливо, первыми докладывали о пропажах в ЧК, представляли «неопровержимые улики» на расхитителей. Так под трибунал попал и стрелочник Николай Пенежко, у которого, после того как он сопровождал вагон с продовольствием для госпиталя, обнаружили в будке куль муки, ящик с тушенкой.

Тогда Мачигин требовал расстрелять мародера. Сейчас сам бежит в одной цепи с уголовниками и Николаем Пенежко. До чего докатилось «высокое благородие»!

Размеренным движением Александр дослал патрон. Куда девалось прежнее волнение! Уверенно совместил прорезь прицела с мушкой под грудью предателя...

— Товарищи, не стреляйте! Не стреляйте!

В наступившей тишине все увидели на балконе «Савоя», открытом любому выстрелу, председателя ЧК Ивана Ивановича Ланге. В черной кожанке, без кобуры, он стоял привычно спокойно, как на митинге, подняв широкую правую ладонь.

— Вас обманули враги революции,— начал он.— Они хотят вашими руками задушить Советскую власть. Не верьте провокаторам, особенно Стрекопытову...

Почти одновременно раздались несколько выстрелов. Ланге пошатнулся, схватился за перила и, прежде чем упасть, крикнул:

— Не верьте, товарищи!..

Так и не успел Лизюков покарать меткой пулей отступника Мачигина. Тот скрылся за перевернутым фургоном. Пальба опоясала гостиницу. Осаждающие сжимались для очередного броска. За остатками каменной

стены собралось до сотни пехотинцев. Сбились в тесную толпу. Несколько человек разжигали огромный костер. Кидали в него мокрую траву, промасленную ветошь, солому, прелое сено, листья. Черно-бурый дым надвигался на «Савой».

«Задымят, ослепят, и тогда...— мелькнуло у Александра.— Тогда с ними не справимся».

Не теряя ни минуты, он взбежал по лестнице на чердак. Выбил овальное окно. Широко размахнулся. Первая граната упала на гребень стены, подскочила и разорвалась над фуражками и папахами. Вторая и третья одна за другой угодили прямо в костер. Ухнул в небо столб огня, рассыпался фейерверком малиново-багровых головешек. Всплеснулся истошный вой с отборной матерщиной. Затем все стихло. Постепенно угасла стрельба. Атакующие откатились.

— Дай обниму тебя, Александр Ильич! — Иван Пенежко облапил Лизюкова.— Опять мы их умыли!

Такой же рослый, как и брат, он спешил по чердаку с пулеметом, чтобы установить его на более подходящей позиции. Кровавый бинт волочился за слесарем.

— Ранило?

— Пустяк...

Надежный парень, золотые руки. «Может все»,— представлял его цеховой мастер. Это Ивана Пенежко немцы под конвоем водили в гараж бронепоезда. Задабривали, обещали взять в Германию, лишь бы согласился работать на них. Белорус-богатырь не унывал в сопровождении конвойного и без него. Мастак был на разные потешки.

В июле 1918 года оккупанты задумали поугубить броневиком бастующих рабочих железнодорожных мастерских. Иван с утра щедро угостил самогоном водителя, а командиру экипажа фельдфебелю предложил спор о том, что машина не обгонит человека.

— Тебя? — ткнул его в грудь захмелевший немец.

— Ни за что, — уверял слесарь.

Броневик, предназначенный для устрашения крамольников, рванул за Иваном по узенькой улочке. Высовываясь из башни, фельдфебель покрикивал водителю: «Шнель, шнель!» Состязание кончилось тем, что машина врезалась в вековой дуб. Фельдфебеля выбросило на косягор. Едва живого унесли его в лазарет.

На месте падения Пенежко подобрал «трофеи»: миниатюрный портрет и письмо, с которыми развеселый пришел к Лизюковым:

— Вот выпорил, а прочитать не могу.

Читали вместе с отцом. На портрете был изображен Фридрих Второй. Гравер вывел его хвастливые слова: «Я пойду своим прямым путем, буду делать все, что сочту нужным. Ничто меня не остановит!» Письмо предназначалось Отто Виммеру из Гослара. Вначале в нем речь шла о том, что Германия двинула против русских мощную силу, одетую в броню. И что же? «Лапотники» не разбежались. Напротив. Автор перечислял имена погибших солдат, офицеров. Молил бога, чтобы ему удалось вернуться в родной Гослар. Письмо заканчивалось стихами:

«Будь проклят тот, кого, как вал,
Гордыни буйство одолеет.
Кто, немцем будучи, затеет,
Что корсиканец затевал!»

— Непонятно, — вздохнул Пенежко. — Стоило ли из-за этого спорить? Чьи стихи-то?

— Очень даже стоило, — рассмеялся Илья Устинович. — А стихи — пророческие. Написал их немецкий поэт Гейне. Напоминает им судьбу Наполеона...

В парадном зале осажденной гостиницы, возле постели раненого Ланге, шло короткое заседание ревкома. Его

председатель Семен Самуилович Комиссаров обрисовал положение гарнизона. Боеприпасы на исходе. Ряды защитников редеют.

— У нас есть с чем обратиться к мятежникам,— заметил Николай Станиславович Белецкий, редактор городской газеты «Известия ревкома».

— Мало нам его,— Бочкин кивнул на председателя ЧК.

— Все-таки я настаиваю. Предлагаю свою кандидатуру.

— Я против,— возразил Комиссаров.— Кто за?

Трое подняли руки. Их поддержал четвертый — Ланге. Через несколько минут с балкона прозвучал голос Николая Станиславовича, одного из самых уважаемых в городе журналистов:

— Товарищи, не играйте с огнем! Все, кто добровольно сложит оружие, будут прощены...

Раздалась пулеметная очередь. Замолк оратор. Видимо, мятежники изготвились к новому натиску, но не торопились. Чего-то ждали. Часа через два удар огромной силы потряс угол гостиницы. Рухнула массивная люстра в зале. Следующие снаряды прошли в нескольких местах крышу и перекрытия.

Артобстрел прекратился ночью. Осажденные использовали передышку для укрепления обороны. По цепи передали:

— Лизюкова к председателю совдепа!

Семен Самуилович осмотрел Александра и сказал:

— Постарайтесь добраться до наших. Во что бы то ни стало...

Восемь раз по нему стреляли дозоры и пикеты. Стрелковцы перекрыли все дороги. Пришлось пробираться лесной чащей. На третий день, шатаясь от усталости, Лизюков набрел на кавалерийский разъезд могилевского отряда, двигавшегося на помощь Гомелю.

29 марта красные конники ворвались в город. Александр мчался на тачанке. Яростно сопротивлялись мятежники в районе вокзала. Здесь в одном из зданий обнаружили застенок с истерзанными телами С. С. Комиссарова, И. И. Ланге, М. С. Бочкина, Н. С. Белецкого и других мужественных борцов революции.

«Не успел!» — эта мысль холодным обручем сковала сердце Александра. Боль не отпускала ни днем, ни ночью. Она становилась невыносимой, когда вспоминались слова из письма старшего брата: «Не опоздай, браток!» Напрасно юноша убеждал себя, что никакой связи между тем и этим нет. Что-то в нем упрямо не соглашалось: «Есть, есть!»

Понимая состояние сына, Илья Устинович ни о чем не расспрашивал. Молча собирал примерно то же, что пригодилось Евгению для отправки с красногвардейцами. Ему помогал Петруша, украдкой вытиравший глаза.

— Давай, Саша, присядем на дорогу, — тихо предложил Илья Устинович.

— Не могу, батя, душа заледенела. Скорее пойду...

КРЕПОСТЬ НА РЕЛЬСАХ

Пусть когда-нибудь в славную повесть
Про геройский советский век,
Громящая, войдет бронепоезд,
Называвшийся как человек.

Евгений Долматовский

Ездовой резко натянул вожжи. Кони захрапели, разворачиваясь перед бронепоездом с броской надписью «Коммунар». Лизюков ловко перескочил на звонкие ступеньки штабного вагона. Лязгнула массивная дверь. На площадке его ожидал дежурный по части Пенежко. Он зычно отрапортовал:

— Товарищ командир бронепоезда, за время моего

дежурства никаких происшествий не случилось. Личный состав занимается согласно распорядку!

Крепко пожав руку Ивану, Александр Ильич невольно залюбовался по-военному статной фигурой бывшего слесаря. Ни одной складочки под туго затянутым ремнем. Видавшие виды сапоги с аккуратными латками начищены до зеркального блеска. Смуглую шею оттеняет белоснежная полоска подворотничка. Каков добрый молодец!

По достоинству оценив внешний вид подчиненного, Лизюков, однако, сдержанно пожурил:

— Опять у вас — «не случилось». Как нужно рапортовать по уставу?

— Никаких происшествий не произошло, — исправился Пенежко.

— Теперь правильно, как и подобает командиру артиллерийского расчета. Депеши поступали?

— Есть одна. От командарма Тухачевского.

— Через двадцать минут командиров подразделений и начальников служб ко мне.

— Слушаюсь. Разрешите обратиться по личному вопросу?

Александр Ильич покачал головой. Не останавливаясь, прошел в свое небольшое купе. «Только не сейчас, — мелькнула у него торопливая мысль. — Есть более неотложные дела». Их после совещания у особо уполномоченного ВЦИК В. А. Антонова-Овсеевко было немало: подготовка к предстоящему срочному рейсу, проверка техники, вооружения, оценка предполагаемого маршрута, составление распоряжения для разведчиков и другие хлопоты.

Звено к звену выстраивалась цепь ближайших и последующих действий, обеспечивающих осуществление боевой задачи. Суть ее заключалась в том, чтобы нести постоянную охрану коммуникаций и расположения

войск, направленных Советом Труда и Оборона, лично В. И. Лениным, на борьбу с бандами эсера Антонова.

Воспользовавшись недовольством части крестьян продразверсткой, вновьявленный «спаситель» России создал повстанческую армию, насчитывавшую в своем составе десятки тысяч штыков и сабель. Она то появлялась, то исчезала. Запылала усадьбы коммун, кооперативов, дома волостных и сельских Советов Тамбовской губернии. Внезапные налеты наводили страх на сельское и городское население, создавали видимость непобедимости, неуловимости антоновских полков, располагавших, кроме стрелкового оружия, пулеметами, артиллерией.

Главная опасность заключалась в том, что мятежников поддерживали не только кулаки, но и часть введенного в заблуждение среднего крестьянства. Это давало антоновцам опору, возможность, меняя загнанных на марше лошадей на свежих в попутных деревнях, продвигаться со скоростью шестьдесят — сто верст в сутки, неизменно уходить от преследовавших их стрелковых и даже кавалерийских подразделений Красной Армии.

Чтобы справиться с бандой, нужны были новая, более гибкая и точная тактика, продуманная разъяснительная работа среди населения, смелые, решительные действия более крупных, чем ранее, и оснащенных необходимыми средствами полков, бригад, дивизий, в том числе и бронепоездов, направленных на Тамбовщину. Новую тактику предстояло еще выработать. Она только зарождалась, и мысли о ней заслоняли другое, менее важное. Эти мысли одолевали командира бронепоезда № 56 «Коммунар».

Еще находясь в пути сюда, в Тамбовскую губернию, Александр Ильич перебирал в памяти то, что могло бы пригодиться из его собственного опыта, приобретенного в 1919 и 1920 годах в сражениях с деникинцами, пет-

люровцами, белополяками на Юго-Западном фронте...

После окончания школы красных командиров в Смоленске Лизюков командовал стрелковым взводом, ротой. Старшие начальники не раз отмечали высокие волевые качества, отвагу, организаторские способности молодого красного офицера: «.. во время опасности не тережится, принимает разумные решения и добивается их осуществления во что бы то ни стало. Будучи членом РКП(б) с 1919 года, тов. Лизюков пользуется непрекаемым авторитетом среди коммунистов и подчиненных». Его прочили на выдвижение командиром батальона, но жизнь распорядилась по-своему.

Летом 1920 года шли напряженные бои под Житомиром. Красные полки прорывали оборону белополяков. Пилсудчики упорно сопротивлялись, цепляясь за каждую высотку, каждую балку. С исключительной яростью враги защищали двухгорбый курган, господствовавший над местностью.

При постановке задачи на наступление командир полка сказал:

— Этот крепкий орешек достанется Лизюкову. Как только он его разгрызет, побегут паны с гайдамаками без остановки.

Трижды бойцы врывались в траншеи и блиндажи, расположенные на склонах кургана. Всякий раз на них обрушивалась шрапнель. Артиллерия неприятельского бронепоезда открывала ураганный огонь. Стальной подвижный форт курсировал за высотой. Наши снаряды не долетали до него.

Командир бронелетучки, прибывшей для поддержки стрелковой роты, попросил:

— Вы только выкурите этого железного гада, что за курганом...

— Попробуем,— сказал Александр Ильич.

У него родился замысел: одним взводом зайти с тыла,

чтобы разомкнуть цепь, связывающую бронепоезд с опорным узлом обороны. Тогда стальная машина будет вынуждена выдвинуться из-за своего укрытия, хотя бы на короткое время покинуть мертвое пространство, подставить себя под снаряды бронелетучки. Конец придет и для тех, кто засел на кургане.

Ротный двинулся с отрядом в обход. Пройдя по заросшему кустарником оврагу, они приблизились к подножию высоты. И здесь наткнулись на вражеский танк «рикардо». Громоздкий, неуязвимый, он маячил на фоне неба, словно грозный, несокрушимый бастион. Видимо, наблюдатель заметил что-то подозрительное в овраге. По опушке хлестнула пулеметная очередь.

— У нас есть гранаты,— обратился к красноармейцам ротный.— Нужны три добровольца.

Строй выжидательно молчал. Бывалые фронтовики впервые столкнулись с бронированным чудовищем.

— Коммунисты есть?

Вперед шагнули рядовые Козырев, Соха и... Пенежко. Его окликнули: мол, не лезь не в свои сани.

— Ладно,— отмахнулся Иван.— Может быть, управляюсь не хуже партийного.

Мало кто из взвода тогда знал о том, что неделю назад он попросил Никанора Козырева и Ондрия Соху дать ему рекомендации для вступления в ряды РКП(б).

Козырев, путиловец, бывший депутат Петроградского Совета, член партии с 1905 года, прибыл в роту по партийной мобилизации. Он привез с собой памятку — небольшой листок чуть крупнее ладони, который определял обязанности коммуниста-рабочего на фронте. В памятке говорилось: «Звание коммуниста дает лишь одну привилегию: первым сражаться за революцию; подавать пример стойкости, самоотверженности, дисциплины; идти на всякую работу, какова бы она ни была: быть последним в почетных местах и первым в опас-

ных». Почти в каждом своем выступлении ротный изыскивал возможность сослаться на питерскую памятку, напомнить всему личному составу, что в ней — источник боевой крепости подразделения.

Никанор, выслушав просьбу Ивана, обещал подумать.

Соха, член партии с 1916 года, участник установления Советской власти в Киеве, написал рекомендацию в тот же день, но сказал:

— Хочу еще раз посмотреть на тебя, хлопец, в настоящем деле, чтобы точно знать, каков мой крестник. А уж после бери рекомендацию.

Тройка отважных по указанию ротного подползла к «рикардо» с разных сторон. Три человека с шестью связками гранат начали рискованный поединок. Ближе других подобрался к цели Соха. Мгновенно вскочив, он размахнулся и... упал, скошенный короткой пулеметной очередью. Мгновение спустя грохнула связка гранат, брошенная Козыревым. Стальная громада дрогнула, но продолжала двигаться. Тогда под ее гусеницу метнул гранаты Пенежко.

Танк качнулся, замер и зачадил черным дымом. Круглая крышка башни отвалилась. Кто-то замахал белой тряпкой. Пятерых оглушенных танкистов красноармейцы выволокли из нутра машины. Шестой выкарабкался сам. Тотчас поднял руки, заискивающе представился по-русски:

— Отто Крауль, механик-инструктор...

— Полюбуйтесь, товарищи,— сказал ротный.— Танк английский, механик немецкий, форму носит французскую, обут по-американски!

Зрелище действительно получилось любопытное, веселое. Красноармейцы от души хохотали.

Удара с тыла пилсудчики совершенно не ожидали. Рукопашная схватка завязалась в траншеях, блиндажах. Здесь произошла памятная встреча. В ходе короткой

борьбы на самой вершине за командный пункт ротный заметил группу польских пехотинцев во главе с офицером, спешивших на выручку. Крикнув красноармейцам: «За мной!» — Александр Лизюков бросился им наперерез.

Офицер, подняв над головой палаш, прыжками приближался к Лизюкову. Кряжистый, длиннорукий, в конфедератке, надвинутой на брови. Чем-то знакомый. «Мачигин,— узнал ротный.— Уже опять переделался, нуда...»

В стремительном броске он выбил у нападавшего палаш и принял на штык грудь врага, остервенело рванувшегося вперед. Потеряв руководителя, пехотинцы один за другим сдались.

Несколько часов спустя взяли курган и захватили подбитый меткими выстрелами наших орудий бронепоезд. Никанор Козырев первым поднялся на паровоз. Покопался в машине и доложил: «Полный порядок. Можно совершить марш не хуже кавалеристов — аллюром три креста».

На ближайшей станции трофеей передавали укомплектованной команде, возглавлявший ее военспец предложил Александру Ильичу: «Имеется вакансия моего заместителя, несколько рядовых должностей. Соглашайтесь, не пожалеете».

Узнав о намерении ротного переменить профессию, командир полка запротестовал:

— Не делай глупостей. Ты же природный полковник. Зачем тебе эта железная коробка? Тьфу, хуже не придумаешь!

Позднее, постепенно остыв, он махнул рукой: мол, вольному воля.

Началась для Лизюкова новая жизнь под стук колес, переливчатые гудки, под пронзительное посвистывание шальных степных ветров.

12-я армия успешно развивала наступление вдоль шоссе, заваленного повозками, машинами, брошенными пушками. Белополяки в панике оставляли все, что могло облегчить им бегство. В красных частях, соединениях царил небывалый подъем. Воодушевленные успехом люди неудержимо рвались вперед.

В те знойные летние дни состоялось запомнившееся Лизюкову совещание командиров, политработников, партийного актива. Началось оно выступлениями с мест. Слушая ораторов, Александр Ильич увидел, как в президиум прошли двое: В. П. Затонский, член Реввоенсовета 12-й армии, с которым он не раз встречался, и коренастый, смуглолицый человек в защитном френче, сапогах. Темные волосы его были зачесаны назад, открывая высокий лоб. Карие глаза спокойны, пронзительны. В правой руке — нераскуренная трубка. Ее мундштуком мужчина разглаживал усы.

Когда прения завершились, Затонский поднялся и сказал:

— Слово предоставляется члену РВС Юго-Западного фронта товарищу Сталину.

Выступающий говорил неторопливо, повторяя уже известные факты, давал им свое, необычное толкование. Да, взято 70 орудий и более 250 пулеметов. И что же? Путь на Варшаву, как утверждают участники совещания, открыт? Да, противник стремительно откатывается. Выходит, только вперед? Отнюдь нет.

— Бахвальство и самодовольство совершенно не соответствуют ни политике Советского правительства, ни состоянию сил противника на фронте. Враг еще силен. За ним мощь Антанты. У поляков есть резервы, которые могут быть подтянуты к Новоград-Волынскому.

От радужной картины не осталось и следа. Оратор убедительно показывал слабые стороны в расстановке бригад и дивизий, приводил цифры, свидетельствовавшие

о том, что взаимодействие наших войск ухудшилось, составляет желать лучшего и снабжение войск. Завершая выступление, Сталин подчеркнул:

— Впереди у нас, товарищи, будут жестокие бои.

С таким напутствием участники совещания вернулись на места. И его, это напутствие, постарался передать личному составу бронепоезда и Александр Ильич. Вместе с партийной организацией он развернул работу по освоению техники, вооружения, приемов, позволявших наращивать скорость движения по железной дороге, темпы приведения в боевую готовность пушек и пулеметов.

Слабым звеном в специальной подготовке расчетов оказалась стрельба с ходу. Большинство наводчиков умели бить без промаха, выполняя задачи с места, а также в условиях прямой видимости цели.

— Каждая остановка,— разъяснял Лизюков батареям,— для нас смерти подобна. По такой мишени, как наша, вслепую не промахнешься. Другое дело — когда мы совершаем непрерывное движение.

Он придумал и осуществил тренировки во время перегонов. Под его руководством наводчики упражнялись в поражении целей в движении, учились вести стрельбу с закрытой огневой позиции. Вместе с наводчиками учились пулеметчики, стрелки. Кроме того, по инициативе коммунистов были подготовлены запасные расчеты для каждого каземата.

В составе первой группы бронепоездов Юго-Западного фронта «Коммунар» принимал участие в разгроме и преследовании белополяков в районах Киева, Казатина, Житомира, Бахмача, Чернигова. Не раз бронепоезд первым врвался на железнодорожные узлы и обрушивал на пилсудчиков шквал снарядов, ливень пулеметного огня.

Как-то в сумке хорунжего, взятого в плен, Александр

Ильич обнаружил любопытный приказ по 3-й армии белополяков. В нем имелось характерное признание: «В последних боях на всем фронте самым серьезным противником являются неприятельские бронепоезда, которые очень хорошо оборудованы, действуют смело и решительно, обладают значительной силой и являются эффективным средством борьбы. Против них наша пехота беспильна».

Приятно было огласить этот документ личному составу. Еще приятнее оказалось спустя неделю получить приказ командующего фронтом, в котором от имени Реввоенсовета выражалась благодарность бойцам и командирам первой группы бронепоездов и подчеркивалось: «С чувством глубокого удовлетворения отмечаю, что управление в бою бронепоездами, автоброневиками далеко оставило позади таковое же у белых. Путиловские, луганские, иваново-вознесенские рабочие, которыми в большинстве укомплектованы бронечасты, переросли в области своего специального искусства белых офицеров, что позволяет нам с уверенностью ожидать развития дальнейших событий и наполняет тревожной растерянностью приказы в польских и врангелевских войсках...»

Размышляя над опытом прошлого, выбирая из него то, что могло бы пригодиться теперь, Александр Ильич припоминал не только славные дела и свершения в пламени сражений. В памяти вставали дни, когда не раздавалось ни одного выстрела. Тогда люди жадно и нетерпеливо возвращались к мирной жизни: готовили концерты самодеятельности, разучивали роли гоголевских героев (особенно любили представлять сцены из «Тараса Бульбы»), устраивали субботники по расчистке вокзалов, предприятий (в первую очередь депо), помогали крестьянам окрестных деревень.

Исключительно большое впечатление у населения оставляли детские утренники, затеянные по инициативе

Лизюкова. Они проводились с какой-то светлой, немного наивной одержимостью. Суровые рубаки — кавалеристы (они входили в состав подразделения разведки), мастера разящего огня из пулеметов, орудий к этому дню мастерили игрушки-самodelки, сэкономили пайковые лакомства, главным образом сахар, для гостинцев детям. И когда вручали скромные гостинцы, слышали от деревенских женщин слова благодарности:

— О це броневики, гарные бильшовики!

Чем больше думал об этом Александр Ильич, тем очевиднее для него становилось: непременно попробовать на Тамбовщине то, что применяли они в работе с населением на Украине, в Белоруссии.

Выступая на совещании, созванном особоуполномоченным ВЦИК, он поделился своими соображениями. По залу пошел веселый шумок. Кто-то бросил едкую реплику: «Бандитов песенками да игрушками не усмиришь». Тогда из-за стола президиума поднялся В. А. Антонов-Овсеенко. Неспешно протер очки, дожидаясь, когда уляжется оживление, и произнес:

— Товарищ Лизюков совершенно правильно понял классовую суть борьбы с мятежниками. В первую очередь надо их лишить малейшей поддержки населения. А оно, как известно, состоит не только из мужчин, но и из стариков, женщин и детей. Нужен подход, адресованный к каждой такой группе.

Одобрение окрылило командира бронепоезда «Коммунар». Он с удвоенной энергией взялся за осуществление своего замысла.

Спустя неделю в деревне Татановке состоялся первый утренник. В жарко натопленную избу зажиточного крестьянина, скрывавшегося у бандитов, собрали детишек. Напоили их духовитым чаем со смородиной, угостили сахаром. Иван Пенешко играл на гармошке и показывал забавные фокусы. Никанор Козырев ремонтировал про-

худившуюся ребячью обувь. Василий Каргин, черноморский матрос, по очереди примерял свою бескозырку всем пацанам и рассказывал им очень смешные морские истории.

На лавках, расставленных вдоль стен, сидели женщины — матери гомонящей детворы. Смущенные, счастливые, с просветленными лицами. Когда праздник подошел к концу, одна из них вышла на середину горницы и с поклоном на четыре стороны распевно произнесла:

— Благодарствуем вам, большевики — наши защитники, теперь мы, бабы, будем горой стоять за Красную Армию.

Отозвалось эхо утренника полуночным стуком в дверь штабного вагона бронепоезда. Простоволосая женщина, едва переводя дыхание, прошептала:

— Ироды дальний разъезд гробят. Выручайте, родимые!

Как выяснилось позднее, отборный отряд Сторожева, ближайшего сподручного главаря повстанцев, пользуясь непогодой, налетел на полустанок, имевший очень важное значение для сообщения с частями Красной Армии. Бандиты рассчитывали на то, что им удастся надолго вывести из строя магистраль. Горстка коммунистов и путейцев держалась из последних сил.

Сторожев уже послал нарочного к Антонову: «Операция завершена успешно. Высылайте побольше саней для трофеев». Однако поторопился. Финал этого боя запечатлен в книге Н. Вирты «Одиночество»:

«И тут «бум-бум!» Грохот орудийных разрывов, и черная зловещая масса, выплывающая из снежного вихря.

— Бронепоезд!

Сторожев, скрежеща зубами от ярости, отдает приказ:

— Отступать!»

Не опоздал бронепоезд № 56 «Коммунар».

Лизюков подсчитывал количество пленных, винтовок, пулеметов, когда в купе без стука ввалился детина в полушубке и собачьем малахае.

— Примите еще одного,— раскатисто пробасил он,— сотенного. Да и меня в придачу.

К ногам командира мешком свалился тип со связанными руками. Рот заткнут рукавицей. Разряжен, словно павлин, в генеральскую форму. Детина снял малахай, и перед Лизюковым предстал Николай Пенежко. Жмурясь от яркого света, он продолжал:

— Я к вам по листовке. Добровольно, с оружием...— Он поставил пулемет Гочкиса к стене.

Несколько минут спустя братья повидались здесь же, в купе. Не обнялись, словом не обмолвились. Тяжкая немота душила обоих. Наконец младший тихо сказал:

— Простите меня, Александр Ильич, и ты, Ваньша. Пойду искупать свою вину. Не поминайте лихом!..

Виноватым, смущенным предстал перед партийным собранием Иван Пенежко. Председательствующий огласил рекомендации живого Козырева и похороненного под Житомиром Сохи. Осторожно разглаживая листок бумаги, он добавил, глухо покашляв:

— Порвана она, товарищи коммунисты, осколком. Что касается пятен, то это не чернила, а кровь Ондрия.

Сразу возникли вопросы: может ли быть действительной рекомендация погибшего? Если нет, то кто может поручиться за Пенежко? Почему тот, кого принимают, скрыл, что младший брат находится у бандитов?

Тогда попросил слова Лизюков. Он пообещал выяснить в политотделе первый вопрос.

— Если нет,— сказал командир бронепоезда,— то

прошу рассмотреть мою рекомендацию, которую я даю Ивану Васильевичу Пенежко, одному из лучших артиллеристов нашего боевого коллектива. Его знаю как верного бойца революции с 1917 года. Теперь о его брате. Он добровольно и с пленным, имея оружие, перешел на нашу сторону. Что касается его пребывания у антоновцев, то об этом старшему брату с весны 1919 года ничего не было известно.

Собрание единогласно приняло И. В. Пенежко кандидатом в члены РКП(б).

До середины лета 1921 года личный состав бронепоезда № 56 выполнял различные задачи по обеспечению войск, занятых уничтожением отрядов мятежников. Меткий огонь его орудий сокрушал скрытые базы бандитов, не давал им покоя во время ночных маршей с целью уйти от преследования. Очень много сделали его бойцы и командиры для укрепления смычки армии с крестьянством. В окрестных деревнях хорошо знали: раз приехали «коммунары-броневики», значит, не только будет спориться работа в поле, но и интересными станут вечера, когда появится возможность послушать доклад, побеседовать о последних событиях в стране и за рубежом, посмотреть концерт.

После разгрома антоновщины наступило время расставания. Крестьяне задушевно, трогательно простились с красноармейцами, их молодым командиром. В штабе группы войск Лизюкову вручили новое предписание: направляется для прохождения службы на Дальний Восток. Беседуя с Александром Ильичом, командарм М. Н. Тухачевский посоветовал:

— Вам надо учиться. Глубоко и серьезно.

В АКАДЕМИИ ПОЛКОВОДЦЕВ

Шлю горячий привет Краснознаменной Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. За пятнадцать лет Военная академия дала нашей армии тысячи стойких, квалифицированных полководцев-большевиков.

М. И. Калинин

Преподаватель тактики А. И. Готовцева знобило. «Нет ли?» — сверлила его тревожная мысль. Поплотнее запахиваясь в изрядно поношенную шинель, профессор постукивал костяшками пальцев по столу вовсе не из строгости: в пустой аудитории замерла тишина. Очень хотелось согреться. За узкими, разрисованными искрящимися ледяными узорами окнами вторую неделю трещали морозы.

Потирая ладонью о ладонь, Готовцев еще раз внимательно всмотрелся в нанесенную на карту обстановку — очередную контрольную работу слушателя своей группы. На всхолмленной, рассекаемой в нескольких местах речками и глубокими оврагами равнине, между кудрявыми массивами лесных урочищ, судя по нанесенным условным знакам, разгоралась напряженная борьба противостоящих сторон. «Синие» торопливо готовились к наступлению. Они прочно удерживали позиции, опираясь на железнодорожный узел. «Красные» находились, как говорится, в незавидном положении, ибо по расчетной шкале соотношения сил и условий, обычно применяемой профессором — знатоком военного искусства, у них не оставалось достаточно времени для переброски и развертывания резерва — собственного бронепоезда (бронепоезда и четырех танков).

— Ну-ну, — сдержанно улыбнулся Готовцев. — Как выкрутится из нелегкой ситуации Лизюков, командир «красных»?

Да, с точки зрения испытанных в прошлом постулатов

военной тактики для Александра Ильича получалось: куда ни кишь, повсюду клин, то есть неминуемое поражение или в лучшем случае организованное отступление. Однако следующий лист, посвященный развитию событий на поле сражения, не подтвердил мрачного прогноза. Совсем напротив, опровергая привычные представления о ведении боевых действий, он менял кризисную ситуацию на иную, более благоприятную для «красных».

Профессор тщательно протер стеклышки пенсне: не ошибка ли вкралась в задачу? Откуда здесь, в самом неуязвимом месте обороны «синих», неожиданно появились танки «противника»? Как они смогли в исключительно короткий срок (по мнению преподавателя, практически нерсальный) совершить столь стремительный марш-маневр? Фантастика! Интересно послушать, как будет оправдываться этот коренастый, большелобый крепыш.

На другой день, несмотря на недомогание, Готовцев пунктуально явился в академию. Не терпелось задать вопросы слушателю, чрезмерно, по мнению многих педагогов, увлекающемуся новациями.

Лизюков спокойно выслушал замечания. Не вывел его из равновесия и смешок, прокатившийся по холодной аудитории.

— Вы полностью правы, товарищ профессор, в том, что характер местности, технические возможности танков не позволяли им так быстро переместиться,— негромко начал объяснения Александр Ильич.— Однако нельзя не учитывать, что в распоряжении «красных» имеется бронепоезд, который способен не только нанести противнику огневой удар, но и при необходимости перевезти свои танки в указанное место, чтобы в нужный момент ошеломить врага их появлением там, где этого никто не ожидает. Что касается намерений «синих», то разгадать их можно, если учесть: примерно подобным образом скла-

Герой Советского Союза
Александр Ильич Лизюков

дывалась диспозиция немецких войск против французских на одном из участков боев в районе Амьена.

Далее следовали расчеты комбинированного марша, убедительно подтверждавшие сложившуюся ситуацию и предложенный выход из нее.

— Сравнение обстановки с эпизодом на реке Сомме мне кажется неподходящим, — возразил преподаватель. — Его еще надо осмыслить.

Видно, он считал, что самое время разжечь спор, скрестить шпаги разных мнений.

— Пожалуйста, — продолжал Лизюков. — Есть и другие аргументы. В ходе боев против Деникина и белополяков наши войска редко, но применяли подобный прием...

— И когда Колчака громили, — добавил кто-то из дальних рядов аудитории.

— Вредная это выдумка, — разгорячился высокий комбриг в черной кожаной тужурке с орденом Красного Знамени на груди. — Пока танки на платформах, их довольно легко уничтожить! Неоправданный риск.

— Прошу, товарищи, — вновь вставил профессор, — непременно учитывать такую весьма важную деталь: речь идет не просто об эшелоне, а о подвижном составе, охраняемом непосредственно пулеметами и артиллерией. Кроме того, прошу вас рассматривать свои задачи с позиций будущего...

Завтрашний день Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Его даль не заслоняли тяготы первых послевоенных лет, разруха, голод и холод. Молодая Республика Советов едва поднималась из пепла и руин, а вдоль ее границ снова сгущались грозовые тучи нашествия. Генералы Англии, Франции, Германии, Японии и других империалистических государств опять мерили расстояния до жизненно важных центров большевистской России, определяли направления сокрушающих ударов, по их мнению, теперь уже неотразимых и окончательных. Прицелива-

лись. Военные теоретики большие надежды возлагали на технику, новые средства нападения. Бредили чудо-оружием.

Молодые командиры Красной Армии внимательно следили за выступлениями яростных антисоветчиков, с предельным цинизмом заявлявших о том, как быстрее стереть с лица планеты «большевистскую заразу»; досконально изучали тактику, вооружение вероятных противников, среди которых все чаще появлялись специалисты из Германии. Победенные наставляли своих победителей, как избежать ошибок прошлого при новом нашествии на Республику Советов.

Александр Ильич, как и многие его коллеги, сверх установленной программы упорно занимался английским и немецким языками, пробовал силы в переводе газетных, журнальных военных материалов, отдельных брошюр, выпускаемых армейскими и флотскими издательствами за рубежом.

Однажды ему попался свежий сборник статей немецких офицеров. Среди них запомнилось выступление капитана Гейнца Гудериана, превозносившего исключительные возможности бронетанковых войск. Чувствовалось, что автор глубоко знает технику, тактические способы управления частями, подразделениями стальных крепостей в различных условиях местности. Вместе с тем этот капитан выдавал себя за сторонника нового сверхоружия, убежденного в том, что остальные рода войск должны на поле боя действовать исключительно в интересах продвижения танков.

На полях конспектов недавнего командира бронепоезда появлялись короткие пометки: «Изучить статьи В. И. Ленина «Революционная армия и революционное правительство», «От обороны к нападению», «Уроки Московского восстания»; «Составить таблицы тактико-технических данных бронесил Франции, Англии, Италии»;

«Принять участие в диспуте на тему «Человек и боевая техника в будущей войне»; «Проконсультироваться у специалистов-инженеров о путях развития противотанковых средств на ближайший период»... С накоплением знаний росла потребность их обобщить, выстроить в определенную систему.

Еще когда гремели бои, у Лизюкова исподволь родилось желание записывать наиболее яркие впечатления, анализировать наилучшие варианты решения задач. Чаще всего мысль краскома обращалась к тем, кто водил бронепоезда, броневые автомобили, танки, сокрушал неприятеля грозной мощью стальных подвижных крепостей.

Учась в академии, Александр Ильич объединил разрозненные заметки в одну рукопись, систематизировал их. Получилось более двухсот страниц «сырья». Почти каждый день выкраивал он время, хотя бы часок, для внесения дополнений, изменений. Листы пестрели перекрестиями сокращений, «усами» вставок.

Как-то на самоподготовке Лизюков склонился над рукописью.

— Перепахано на совесть, — раздался рядом звучный баритон. — Чувствую, что это очень интересно...

Александр Ильич увидел перед собой заместителя начальника Военной академии Р. П. Эйдемана. Атлетически сложенный, с двумя орденами Красного Знамени на груди, он ободряюще опустил руку на плечо слушателя, дескать, не вставайте, взял записи. Прочитал страницу, другую, третью...

— Тема архиважная, — подытожил Роберт Петрович. — Бронесилы в настоящее время все больше выдвигаются на самый передний план военного строительства. Хорошо бы создать книжку. Ваши стихи в журнале «Красные зори» я не раз читал. Бьют в цель. Кстати, прозу тоже надо осваивать. Если на первых порах будет трудно, не унывайте — поможем.

Словно подслушал сокровенное. Как в незабываемом двенадцатом, по-фронтовому вспыхнуло в груди Лизюкова: «Даешь книжку!»

После той памятной встречи Роберт Петрович нередко приглашал к себе начинающего «прозаика», интересовался:

— Не трудно ли?

— Очень,— признавался Лизюков.— Пятый раз переделываю отдельные главы.

— Муки слова вы преодолете. Вот только с учебной конфуза не случилось бы...

Первая Военная академия Страны Советов привлекла к себе самые лучшие силы партии, молодого социалистического государства. Здесь, без преувеличения, сосредоточился цвет советской военной мысли. Перед слушателями выступали с лекциями, докладами М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин. Кафедру стратегии возглавлял заместитель народного комиссара военно-морских дел М. Н. Тухачевский, начальником кафедры бронетанковых войск был командующий бронетанковыми и механизированными войсками РККА А. К. Коленковский, кафедрой оперативного искусства руководил заместитель начальника Генерального штаба РККА В. К. Триандафиллов, кафедрой инженерного дела — Д. М. Карбышев...

Армия и флот посылали сюда учиться самых достойных. Сокурсниками Лизюкова были Г. Д. Гай, А. И. Тодорский, В. Д. Енукидзе, М. П. Кирпонос, К. Н. Галицкий и многие другие, имена которых знали во всей стране. 93 процента слушателей имели за плечами опыт гражданской войны, почти треть из них удостоилась самой высокой тогда награды Родины — ордена Красного Знамени. Не потому ли об академии с гордостью и любовью говорили: «Наша Краснознаменная!»

Очень нелегко покорялись вершины советской военной науки тем, кто совсем недавно командовал полками,

бригадами, поднимал вчерашних рабочих и крестьян в «последний и решительный бой». Не хватало учебных пособий, бумаги. Приходилось жить буквально впроголодь, мерзнуть в почти не топленных аудиториях, общежитиях, латать износившуюся форму.

В таких условиях Александр Ильич, взявшись за работу над книжкой о бронесилах, скоро почувствовал огромную тяжесть дополнительной нагрузки. Когда после занятий в поле, на стрельбище, едва согревшись кружкой кипятка, слабо напоминавшего чай, он садился за рукопись, перед глазами начинали роиться светлячки, в ушах тоненько попискивало. «Лишь бы не свалиться от усталости,— думал он с досадой на самого себя.— Неужели не выдержу?»

В минуты сомнений всякое лезло в голову: «Зачем мне корпеть над бумагой ночи напролет? Получится ли книжка, бабушка надвое сказала. Найдутся писатели поискуснее и расскажут лучше меня про походы и бои, про применение бронепоездов, танков, броневтомобилей».

Не исключено, что бросил бы, если бы не одна лекция о перспективах развития военного дела. Прочитал ее М. В. Фрунзе. Точнее, поделился своими размышлениями, почти не заглядывая в основательный конспект. Негромкий голос Михаила Васильевича подчеркивал полную тишину, напряженное внимание просторного зала.

— Мы с вами,— говорил он,— не должны замыкать свою мысль в узкие рамки текущей повседневной работы, мы должны подниматься над нею, должны помнить, что, может быть, скоро настанет момент, когда все достижения в нашей повседневной работе придется проверить на полях сражений.

Многое пересдумал, переоценил после той лекции молодой командир. Понял, что отказаться от завершения начатого труда о бронесилах означает не только умень-

нить напряжение, но и замкнуть «свою мысль в узкие рамки», опуститься, а не подняться над практикой.

Конечно, ему не стало легче. Однако уверенность в своей правоте несомненно возросла, вместе с тем сил прибавилось. Подобно путнику, увидевшему четкий ориентир, Лизюков напрямик двинулся к поставленной цели. У него словно появилось второе дыхание.

Издательство торопило: «Вашу книгу мы надеемся выпустить по плану раздела «Библиотека командира» в 1927 году. Просим не задерживать пересылку рукописи в редакцию». Теперь откладывать, медлить было известно. Работа спорилась, совершенно не отвлекая от учебных заданий.

Наконец увесистый пакет, в котором были старательно запечатаны начисто переписанный текст, а также десятки схем, рисунков, чертежей, отправлен в Ленинград. Потянулись дни ожидания, до отказа заполненные учебой: выходами на тактические поля, недавно введенными по указанию ставшего после смерти М. В. Фрунзе начальником академии Р. П. Эйдемана, строгими контрольными зачетами, итоговыми и проверочными военными играми. В этот период создали кафедру политической работы в армии. У Александра Ильича появился один из любимых предметов — курс партийно-политической работы в войсках.

Именно тогда в коллективе развернулась борьба против троцкизма. Один из слушателей вспоминает тот период: «Никогда не забыть наших бурных партийных собраний, на которых мы распознавали за цветистыми фразами демагогов-оппортунистов, враждебные антисоветские силы. Вместе со всей партией наша академическая партийная организация отстаивала ленинизм, защитила идейное и организационное единство своих рядов».

Партийное бюро академии тогда возглавлял А. И. Тодорский, известный своей брошюрой «Год — с винтовкой

и плугом». Автор неоднократно встречался с Владимиром Ильичем Лениным, добровольцем ушел на фронт, принимал участие в разгроме Деникина, в борьбе за установление Советской власти в Закавказье и Средней Азии.

Тодорский, будучи по совместительству заведующим отделом военно-научного общества в редакции журнала «Красные зори», постоянно интересовался творчеством своих слушателей, нередко редактировал их стихи, заметки, статьи. Лизюкова он в шутку называл не иначе как поэтом «Красных зорь», ибо почти в каждом номере этого издания помещались стихотворения бывшего командира бронепоезда. Только в трех номерах журнала за 1925 год были опубликованы стихотворения: «Броневи́к», «Из недавнего прошлого», «В кочегарке», «Школьнику», «9-е января», «В ленинском уголке» и другие.

Проникновенно, с подкупающей искренностью выражены отцовские чувства в небольшом стихотворении, посвященном маленькому сыну Александра Ильича Юрию:

«То не ветер гудит за окном,
То не зимняя вьюга рыдает.
Спи, малютка, с сегодняшним днем
Весь народ Ильича провожает.
Вот когда подрастешь, ты узнаешь о нем,
Все изучишь и сердцем поймешь,
Его слово воспримешь и с этим огнем
По дороге прекрасной пойдешь!»

После того как Лизюков получил от издательства несколько авторских экземпляров своей книжки «Борьба с бронесилами», Тодорский одним из первых поздравил его:

— Ну вот, тезка, поэт «Красных зорь» вырос до прозаика солидного ленинградского издания. И не простого, а военного. Не забудь о родном журнале, об одном из его редакторов. Подари на память книгу с автографом!

— С удовольствием, Александр Иванович,— улыбнулся Лизюков.— Только, чур, в обмен на «Год — с винтовкой и плугом»...

Не в одиночку пришла первая удача. Прочитав «Борьбу с бронесилами», многие из сокурсников высказались за то, чтобы сделать материал популярнее, сократить пространные ссылки на иностранные источники, сосредоточиться главным образом на борьбе с танками противника. На этой основе у автора появился новый замысел — написать брошюру для молодых бойцов о том, как противостоять на поле битвы стальным крепостям.

К концу 1927 года она была выпущена в серии «Библиотечка красноармейца». Построенная в форме увлекательного диалога командира танкового полка с молодым курсантом Московской пехотной школы Каро, книжка послужила хорошим пособием для воспитания у личного состава, прежде всего у новичков, смелости, решительности, помогла им в определенной степени преодолеть танкобоязнь.

Заклячая «Беседу о танках и борьбе с ними», автор обращался к читателям: «Дружное сопротивление и совместная работа всех родов войск создадут для танков противника такое препятствие, через которое они прорваться не сумеют. А если и прорвутся, то вряд ли выйдут целыми назад, скорее будут уничтожены».

Нельзя не обратить внимания на то, что приведенные строки написаны в 1927 году, когда многие военные специалисты на Западе доказывали: для стальных крепостей, применяемых сосредоточенно на узком пространстве, не существует никаких преград. Буржуазные теоретики хотели видеть в технике, в первую очередь в танках, то необычное, могущественное оружие, с которым удастся перекроить карту Европы и других континентов...

Молодые красные «академики» думали о другом.

В защитнике социалистического отечества они видели главную силу, подлинного творца грядущих побед. Вот почему упорно искали, как органичнее, теснее соединить технику с человеком, одухотворенным коммунистическими идеалами, готовым ради их торжества на любые испытания.

Только не отстать, не опоздать! Тревожное время не давало покоя. Лизюков вместе с другими товарищами по курсу не испытывал полного удовлетворения от занятий по общевойсковой тактике. На них не всегда использовался опыт гражданской войны. Отдельные преподаватели открыто высказывали свое отрицательное отношение к нему. Не пользовались у слушателей популярностью задачи с решением за одну сторону, без противника. Эти задачи вольно или невольно внедряли «схему мышления».

Сторонники шаблонного подхода упорствовали. Тогда Александр Ильич вынес принципиальный вопрос на трибуну партийного собрания. Он на конкретных примерах показал, какой вред причиняет схоластический подход.

— Нам нужна методика, построенная на динамике двухсторонних действий, — подчеркнул он. — Нам нужна диалектика революционного ведения войны!

Большинство коммунистов поддержало его. Решение собрания дополнили конкретными пунктами. Уже через две недели руководство академии приняло меры для того, чтобы перенести центр тяжести обучения по этому предмету на самостоятельную работу со слушателями. Уменьшилось количество лекций. Значительно возросло число практических занятий, групповых упражнений.

День ото дня Лизюков ощущал прилив энергии. Порой ему казалось, что деятельность на самой высокой степени напряжения, когда учеба, общественная работа, писательский труд сливаются в один поток, не исчерпывает человеческие силы. Эти силы как будто удваиваются,

утраиваются! Хотелось ворочать горы, скорее вернуться в войска, туда, где куется металл боевой готовности.

«Может быть, мне удалось,— думал молодой командир,— открыть закон возрастания энергии? Сколько еси трать, она только прибавляется! Для чего? Конечно, для дела, для людей».

ЗАБОТЫ КОМБРИГА

Аттестуется по должности командира отдельной тяжелой танковой бригады. Хорошо наладил в бригаде учебный процесс... Части на тактических занятиях показали хорошую подготовку. В бригаде развито стахановское движение. Политико-моральное состояние здесь вполне крепкое...

Из аттестации на А. И. Лизюкова в 1936 году

Танк, повинуюсь Юрию, набирал скорость. В смотровой щели замелькали поляна, усыпанная ромашками, кусты смородины, стройные березки. Машина рванулась вверх по косогору, прямо к белогрудым, похожим на стаю лебедей облакам. Быстрее, быстрее! Уже не ощущалось толчков и раскачивания на кочках и выбоинах. «Неужели лечу?» — мелькнуло у мальчика.

С этой мыслью он проснулся. Откинул байковое одеяло, бросился к распахнутому окну. Ночная прохлада успокоила: нет, не проспал. Высокие звезды подмигивали: дескать, не беспокойся, еще есть у тебя время.

Мальчик чутко прислушался. В квартире Лизюковых тихо и темно. Только из комнаты отца, которую в шутку называли кабинетом комбрига, через полуоткрытую дверь виднелась полоска света.

«Не спит, опять не спит», — подумал Юрий с невольным восхищением.

Вчера вечером в небольшой, уютно обставленной гостиной яблоку было негде упасть от собравшихся сюда

бойцов, командиров, политработников. Приглашенные все прибывали. Стройные, подтянутые, они входили с привычными словами:

— Разрешите, товарищ комбриг!

И попадали в распоряжение радушной хозяйки дома. Приветливо улыбаясь, Анастасия Кузьминична легкими движениями расставляла на столе чашки с блюдцами, вазочки с вареньем собственного приготовления, с хрустящим печеньем и приглашала:

— Рассаживайтесь, дорогие гости! Остается самое малое — пирог да самовар. Есть добровольцы, чтобы доставить их сюда?

— Конечно, — бойко отозвался Федор Дудко. — Сейчас живо доставим.

— Не сомневайтесь, Анастасия Кузьминична, — подтвердил слова сослуживца вошедший с букетом сирени Сапожников. — Федя в любом пространстве не способен двигаться медленно. Вот вам подарок по поручению личного состава третьей роты, которая сегодня заняла первое место в батальоне по стрельбе с коротких остановок. Нарвали прямо на полигоне.

— Молодцы! — похвалила жена комбрига. — А теперь получите не менее сложную и ответственную задачу: с ходу принесите сюда пирог, чтобы чай не остывал.

— За что же меня обошли? — жалобным голосом сказал всегдашний соперник Сапожникова механик-водитель Плюхин, собравшийся вслед за Дудко на кухню. — Опять я один-одинешенек.

— Решение окончательное, обжалованию не подлежит, — поддержал общее веселье Александр Ильич, выходя из своей комнаты. — Пожалуйста, оставайтесь на своих местах, кроме кухонного наряда, который, надеюсь, не заставит нас долго дожидаться.

Как тогда не терпелось Юрию поскорее узнать, о чем пойдет разговор за чаем! О тревожных событиях в Ис-

паний? Нет, наверняка об отважных стратонавтах. А может быть, о Георгии Димитрове, которому грозит смертная казнь в фашистских застенках. Мальчик поудобнее устроился между отцом и матерью, приготовился слушать.

Увы, он не угадал. Сегодня застольная беседа потекла по иному руслу. Взрослые заговорили о шахтерах, вернее о забойщике Алексее Стаханове.

— Представляете, товарищи,— с какой-то юношеской радостью воскликнул Дудко,— четырнадцать норм за смену! Это же мировой рекорд производительности труда!

— Скорее бы закончить службу,— поддержал Федора Сапожников.— Взять бы в руки отбойный молоток и показать людям, на что способен...

— Да, придется набраться терпения,— вступил в беседу Плюхин.— До демобилизации еще порядочно.

— Зачем же откладывать доброе дело в дальний ящик стола? — обратился к присутствующим Александр Ильич.— Разве у нас нет своего «забоя»? Или нам не по плечу не менее трудные и крутые «броневые пласты»?

Техники, механики-водители — все присутствующие повернулись в сторону Лизюкова. Комбриг протянул руку к этажерке, достал тоненькую брошюру, раскрыл на заложённой странице и продолжал:

— Позвольте напомнить вам, друзья-однопольчане, кое-что из материалов Всесоюзного совещания стахановцев. Вот хотя бы эти строки: «Присмотритесь к стахановцам. Что это за люди? Это... люди культурные и технически подкованные, дающие образцы точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени в работе и научившиеся считать время не только минутами, но и секундами». — Александр Ильич закрыл брошюру. Задумчиво помолчал и спросил: — Разве это не относится к защитникам Родины, к нам — танкистам?

Фактор времени на поле сражения. Цена минутам и секундам в бою, в дни мирной учсбы личного состава подразделений, частей, соединений Красной Армии. Лизюков говорил об этом негромко, раскрывая перед подчиненными огромный государственный смысл общей и военной культуры, технической грамотности, точности и аккуратности— качеств, проявляемых Стахановым и его последователями, незаметно подводил слушателей к пониманию важности этих качеств, проявляемых не только на шахтах, заводах, рудниках, колхозных полях, но и на стрельбище, полигоне, танкодроме — там, где сейчас находится «забой» для Дудко, Сапожникова, Плюхина и сотен, тысяч бойцов и командиров.

Речь Александра Ильича текла размеренно, с паузами, дававшими возможность вникнуть в тему, принять или отвергнуть предлагаемые соображения. Стараясь убедить своих слушателей, комбриг ссылался на примеры из истории, из практики повседневной военной жизни.

Почему в сентябре 1916 года применение танков англичанами в районе Альбер-Перрона потерпело неудачу? Ведь специалисты твердо прочили им победу. Туман, позволивший приблизиться к позициям противника, неизвестность для него новой грозной техники — все обещало успех. Однако это «все» свела к нулю медлительность: танки вводились в бой не спеша, как будто даже лениво. Из 49 машин в район наступления доставили 32. Действовали они разрозненно. Это дало возможность немцам подавить страх и подбить 14 танков метким артиллерийским огнем. Атака захлебнулась.

— С тех пор прошло немало времени,— продолжал Александр Ильич.— Танк стал другим. Основным его качеством была и остается скорость, без которой невозможно добиться победы над врагом. А скорость — это скрупулезный учет не только минут, но и секунд...

— Совсем как у стахановцев,— вырвалось у Дудко.

— Что и требовалось доказать,— поддержал друга Саножников.— Теперь надо браться за дело в нашем броневом «забое».

Забыты ароматный чай, аппетитный пирог и домашнее варенье. Анастасия Кузьминична обняла Юру за плечи:

— Пора спать, сынок, утро вечера мудренее.

Засыпая, мальчик слышал голоса из отцовской комнаты:

— Машина тяжелая. Она песет на себе почти целую артиллерийскую батарею, несколько пулеметов. Настоящий сухопутный крейсер. Какую тут скорость можно развить? Главное — меткий, уничтожающий огонь. Вот в чем пробивная мощь танков...

— В бою не только ты стреляешь, но и в тебя целятся. Вот когда без подвижности затоскуешь...

— До противника надо еще добраться. Сблизиться с ним. Не забывайте о том, что враг не будет ожидать с самоваром.

Постепенно голоса затихли, уступая одному размеренному, басовитому — отцовскому:

— Если тщательно составить график движения по маршруту, можно выиграть время процентов на тридцать и даже пятьдесят. Как у Суворова: удвой шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно, бей, гони, не давай опомниться!

Отец часто говорил о великом русском полководце, о его «Науке побеждать». Не раз сын слышал от красноармейцев, командиров о том, что заслужили высшую похвалу комбрига — оценку «действовал по-суворовски!».

Мысли мальчика смешались, усталость смежала веки. Воображение рисовало отца в облике знаменитого генералиссимуса, который с ободряющей улыбкой наставлял: «Удвой, Юра, шаг богатырский...»

Тяжелая танковая бригада имени С. М. Кирова, которую сформировал и теперь ею командовал Лизюков, являлась настоящим сгустком качественных изменений, происходивших в тридцатые годы в Красной Армии под могучим влиянием индустриального преобразования страны. В войска поступала новая техника, требовавшая иной организационной структуры, нетрадиционного подхода к обучению и воспитанию личного состава, коренных перемен в тактике, критического осмысления опыта гражданской войны, последних лет на полях сражений в Китае, Абиссинии, Испании — везде, где уже разжигали пламя войны японские, итальянские, германские империалисты. Последние лихорадочно торопились наверстать упущенное, потаенно готовились взять реванш за поражение в первой мировой войне.

В провинциальном Куммерсдорфе, на обширном, удаленном от посторонних глаз полигоне, полковник Гудериан, в ту пору являвшийся начальником штаба управления бронетанковых войск фашистской Германии, демонстрировал Гитлеру возможности подвижных войск. Мотоциклисты, танкисты, артиллеристы старались в поте лица: перестраивались, вели огонь с ходу и коротких остановок. Насмотревшись на внушительное представление, Гитлер воскликнул:

— Вот это то, что мне нужно!

В воспаленном мозгу фюрера вставляли стальные клинья, пронзающие сопредельные с рейхом государства...

Для Александра Ильича, как и для всех советских людей, это не было откровением. Он знал цену фашистскому миролюбию. Настроение комбрига передавалось подчиненным без долгих речей и назидательных внушений. Они дышали одним воздухом, в котором запах пороха постоянно усиливался.

Лизюков неутомимо искал средства и формы даль-

пейшего совершенствования огневой, технической, тактической выучки танкистов. Многие его еще не удовлетворяло в методике практических занятий, в освоении материальной части, пополнявшей парк бригады.

Выступая на одном из совещаний командиров частей и соединений в присутствии командующего войсками Ленинградского военного округа командарма первого ранга Б. М. Шапошникова, Александр Ильич сказал:

— Броневая защита Т-35 оставляет желать лучшего. Она не устоит не только против снарядов полковой, дивизионной артиллерии, но и не предохранит экипаж от осколков. Есть претензии у танкистов и к скорости машин, поступающих в настоящее время на вооружение. Она, откровенно говоря, невелика для современного маневренного боя.

Комбриг поделился своими соображениями о том, как усилить слабые места в тактико-технических данных стальных крепостей. В частности, предложил внимательно присмотреться к опыту механиков-водителей, которые уже сейчас добились резкого увеличения скорости движения тяжелых машин на маршах.

Подводя итоги совещания в заключительном слове, командующий войсками округа Шапошников посоветовал собравшимся полнее использовать огромные возможности распространения стахановского движения в армейских условиях, особенно в подразделениях.

— Думается,— подчеркнул Борис Михайлович,— тяжелая танковая бригада имени Кирова, судя по выступлению ее командира, уже в настоящее время способна стать застрельщиком этого патриотического почина.

Лизюков и сам упорно размышлял над такой проблемой. Вечерами подолгу сидел над литературой. По инструкции скорость Т-35 была, как известно, невысокой, причем резко снижалась, когда надо было преодолевать пре-

пятствия и заграждения. И танк становился удобной мишенью для огневых средств неприятеля.

После тщательного изучения практики лучших механиков-водителей, таких, как Дудко, Плюхин, Сапожников, и других, Лизюков составил перечень приемов, которыми они добивались увеличения скорости в различных условиях местности, погоды, а также при преодолении препятствий и заграждений. Затем с учетом рекомендаций специалистов технической службы бригады их объединили в одну цельную систему управления машиной. Родилась новая методика обучения молодых механиков-водителей скоростному вождению танков практически в любых условиях, пригодная для решения самых сложных задач днем и ночью, летом и зимой. При этом полностью учитывались индивидуальные особенности тех, кто находился за рычагами стальной крепости.

Введено было еще одно новшество — предварительный отбор новичков, изъявивших желание стать механиками-водителями. Предпочтение отдавалось трактористам, шоферам, бульдозеристам, рабочим высокой квалификации. Кроме того, в ротах создали технические кружки для молодого пополнения. Тех, кто успешно проходил строгие испытания, определяли в батальонные школы боевого мастерства, где преподавателями являлись техники и асы вождения танков. Отсюда шла прямая дорога на танкодром, где завершался процесс полной предварительной подготовки претендентов на специальность механика-водителя.

Время. Оно ценилось и использовалось с исключительным рвением и скрупулезной аккуратностью. Вся жизнь бригады от подъема до отбоя подчинялась размеренному ритму строгого распорядка дня. Занятия, тренировки, обслуживание техники, чистка оружия начинались и заканчивались по единой, установленной штабом команде, минута в минуту, с предельно выверенной точ-

ностью. Опоздание бойца всего на полминуты считалось чрезвычайным происшествием, о котором немедленно докладывалось дежурному по части, обязанному в тот же день расследовать причины факта, принять безотлагательные меры против нарушителя распорядка дня.

Именно в те дни газета «Красная звезда» писала: «Прекрасное впечатление производят классы в части, которой командует тов. Лизюков. На территории разбиты клумбы, бьет фонтан. Много там зелени. А зелень не терпит дурного настроения. Два десятка электрических часов установлены во дворе части и парке».

Черные стрелки чертили по циферблату безостановочные круги, задавая тон личному составу. Ровно и сильно билось «сердце» отдельной тяжелой танковой бригады имени Кирова. Непрерывно повышалась готовность слаженного коллектива к любым, самым сложным и неожиданным испытаниям.

Такой же строгой мерой выверялась боевая выучка экипажей, отделений, расчетов. Здесь по инициативе комсомольцев развернулось соревнование за алый вымпел имени Алексея Стаханова. Оно осуществлялось под девизами: «Поражать цели с ходу первыми выстрелами», «брать препятствия и заграждения без остановок», «Повышать скорость движения и увеличивать межремонтный пробег танков». Вымпел ратной доблести ежемесячно присуждался лучшему подразделению и вручался в торжественной обстановке лично комбригом.

Усложнились условия соревнования. Оно дополнилось еще одним девизом: «Вышел в поле — действуй как в бою!» Вручая последний раз вымпел экипажу, где механиком-водителем был Сапожников, Александр Ильич заинтересовался:

- Удержите?
- Ни за что не отдадим!
- Смотрите не оплошайте...

Дверь отцовского кабинета тихонько скрипнула. Юрий вскочил с постели уже одетым. В коридоре он различил два силуэта. Дежурный по части вытянулся перед комбригом. Посветив фонариком по раскрытому планшету, Александр Ильич негромко произнес:

— Пункт сбора в квадрате семнадцать — двадцать три. Через десять минут объявите тревогу второй роте.

Едва дежурный вышел, мальчик бросился к отцу:

— Возьми меня с собой. Ты же столько раз обещал!

— Ладно. Только по-солдатски, не хныкать!..

Юркий газик комбрига то обгонял колонну танков, то сворачивал в сторону, то отставал, поджидая сбавившие скорость машины. Грохочущая стальная змея рассекала рощи, обходила по проселкам населенные пункты, где еще тускло светились окошки.

На танкодроме Александр Ильич поставил задачу на выполнение самого трудного упражнения по вождению танков. Предстояло не просто преодолевать наиболее сложные препятствия и заграждения, но и одновременно имитировать стрельбу по «противнику» с коротких оставок. Все должно было происходить в обстановке, максимально приближенной к условиям современного боя.

Экипаж Федора Дудко получил особую задачу — совершить марш по пересеченной лесисто-болотистой местности, проверить расчеты комбрига: на что способна тяжелая машина. Напутствуя механика-водителя, Лизюков сказал:

— Действуйте по-стахановски!

День выдался ненастный. Машины, идущие по трассе танкодрома, бросало из стороны в сторону. Бурые фонтаны грязи летели из-под траков. Но танкисты ни на минуту не прекращали штурма препятствий и заграждений. В ведомости учета показателей вождения строка за строкой заполнялись красными цифрами: эскарп — пять, воронка — пять, ограниченный проход — пять, колеяный

мост — пять... Только ров, заполненный водой, портил общий отрядный фон: три, три, три.

Тогда за рычаги танка сел комбриг. Юрий попросил не оставлять его на вышке наблюдения. Коротко лязгнули тяжелые люки. Горьковатым теплом пахнуло в лицо мальчика. Машина плавно тронулась и через десяток-другой метров рванулась, набирая скорость. Юра изо всех сил уцепился за шершавые выступы в башне.

В узких прорезях смотровой щели перед ним закачались земля и небо. Вот позади остались узкий проход в минном поле, глубокая воронка, колеяный мост. Впереди показался ров. Какой он широкий! Тускло поблескивала вода. Двигатель загудел на пронзительно высокой ноте. Рывок! И танк пружинисто пронесся надо рвом по воздуху.

— Ура-а! — вырвалось у мальчика.

На исходном рубеже отец, устало сняв шлем, сказал подчиненным:

— Теперь ясно, как надо? Главное — набрать инерцию.

Юра потирал ушибленные колено, локоть, синяк на лице. Увидев его старания не подать виду, Александр Ильич улыбнулся:

— По всему видно, сынок, в тебе спрятана броневая косточка. Смотри-ка, Дудко уже возвращается.

Через несколько минут Федора качали на руках. Сто двадцать километров он преодолел за два часа сорок минут. Есть рекорд бригады!

На обратном марше алый стахановский вымпел развевался над башней его машины. Сапожников хорошо видел этот трепещущий впереди «огонек». Радовался за соперника, но не собирался ему надолго уступать первенство. Был у побежденного свой вариант, своя тропинка к завтрашней победе.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Готовы на подвиг,
Готовы на муки,
Готовы на радость победных огней,
На голод, на холод могильных камней,
Готовы на все
Ради завтрашних дней!

Лев Ошанин

Зеленый «зрачок» радиоприемника загорелся. Комната Лизюкова наполнилась бравурным маршем. Вот музыка стала постепенно стихать, раздался ликующий голос диктора, говорившего на немецком языке:

— Солдаты! За семнадцать дней вы прошли Бельгию и Францию, храбро штурмовали бесчисленные укрепления, с ходу форсировали реку Маас, прорвали неприступную «линию Мажино»! Я призывал сражаться, и вы никогда не колебались. Будем готовиться к новым походам. Да здравствует великая Германия и наш фюрер Адольф Гитлер!

Короткую паузу заключила женщина:

— Мы передавали обращение генерала Гудериана к однополчанам.

Александр Ильич выключил радиоприемник. Придвинул к себе стопку чистых листов бумаги, приготовленных накануне для текста предстоящего выступления перед командирами, политработниками. Секретарь партийного комитета полка, входящего в состав бригады, сразу после успешного завершения недавних тактических учений с боевой стрельбой обратился к комбригу с поручением:

— Коммунисты интересуются положением в Европе, особенно во Франции. Просят вас сделать доклад...

Не первое предложение такого рода для Лизюкова за последнее время. Его уже неоднократно приглашали в другие части, соединения, в военные училища, а также на заводы, фабрики, в институты, учреждения. Во мно-

гих коллективах хотели подробнее знать о том, как складывается международная обстановка, почему некоторые страны в Европе стали жертвами фашистской агрессии. Таких «почему» было тогда немало. Очень непросто становилось на них отвечать.

Тяжелым, холодным камнем давило на сознание то, что сейчас происходило во Франции. Несмотря на мужественное сопротивление отдельных французских соединений и частей, в течение нескольких недель одна из европейских держав превратилась в порабощенную страну. Правительство, бросив армию, предав свой народ, бежало из столицы. Париж объявлен «открытым», то есть не обороняемым, городом. Размеры разразившейся национальной катастрофы казались для здравого рассудка фантастическими; наступил материальный, моральный, экономический и политический крах. Десять миллионов человек, четвертая часть населения Франции, бродили по дорогам в поисках пристанища...

Может быть, среди них и те, с кем сравнительно недавно встречался, беседовал Лизюков, побывавший в этой стране в составе советской военной делегации спустя год после заключения между СССР и Францией двухстороннего договора о взаимной помощи, точнее помощи, обусловленной различными оговорками, малоприемлемыми для Страны Советов. Тем не менее это был важный международный документ, сближавший в той сложной обстановке две страны.

Где теперь подвижный, обходительный полковник Моршаль? Словно наяву, вставали в памяти те весенние дни...

Первомайский парад в Москве. Яркие солнечные блики на шероховатой броне танка с надписью на башне «Киров». Кругом свежая зелень, цветы. Дудко в который раз запускает и глушит мощный двигатель. Все в порядке, но механик-водитель очень волнуется. Вместе с ком-

бригом ему предстоит испытание. Не на учениях, полигоне, танкодроме, в привычных условиях, а перед столицей Родины, можно сказать, перед всей страной. Кроме того, еще иностранцы смотрят на удивительное зрелище. Стало быть, выступать придется перед всем миром.

Замысел Александра Ильича, одобренный старшими начальниками, заключался в том, чтобы преподнести москвичам и гостям столицы первомайский подарок: показать, на что способны советские танки в маневренности и скорости.

Затих четкий шаг стрелковых батальонов. Скрылись за спуском от собора Василия Блаженного к Замоскворечью тускло поблескивающие ряды касок. Опустела Красная площадь.

— Пора, Федя. Вперед! — приказал комбриг.

Стальная крепость рванулась с места. Гулко загрохотала по брусчатке. Словно по ниточке прочертила линию своего одиночного маршрута мимо удивленно замерших трибун, мимо величественного Мавзолея В. И. Ленина. В считанные секунды она прошла через площадь и исчезла, оставив за собой легкий синеватый дымок.

Присутствовавший на том параде писатель А. Кривницкий позднее напишет: «Это было потрясающе! Площадь загремела аплодисментами. Группа иностранных военных атташе задвигалась, заволновалась. В открытой башне этого танка стоял Лизюков».

После праздника Александра Ильича вызвали в штаб и коротко уведомили:

— Вы включены в состав советской военной делегации, отправляющейся во Францию.

— Когда выезжать?

— Сообщим дополнительно...

У него на рабочем столе в кабинете лежала только-только начатая рукопись статьи для журнала «Техника и вооружение». Редакция, читатели высоко оценили пре-

дыдущие выступления командира бригады: «Танкетки, их устройство и боевое назначение», «Танки и средства борьбы с ними», «Танки и их развитие». В последнем автор говорил о роли и значении бронетанковых войск в современных условиях, спорил с теми, кто по старинке не желал видеть в них возрастающих, но пока еще скрытых возможностей для решительной победы над сильным, технически оснащенным противником.

Возражая своим оппонентам, Лизюков подчеркивал в статье «Танки и их развитие»: «Во всех случаях боя танки могут действовать или в составе пехоты и конницы, или в составе мотомехчастей, или выполнять самостоятельные задачи, которыми обеспечивается общая цель боя».

Редакция просила в очередной статье развить данную мысль, показать, какие последствия вытекают из этого для личного состава, и прежде всего для командиров подразделений, частей. Приняв предложение, Александр Ильич с увлечением взялся за дело. В библиотеке ему подобрали немало статей, брошюр, книг. Среди них были издания зарубежных авторов: Г. Гудериана «Внимание — танки!»; де Голля «За профессиональную армию». Хотелось поскорее заняться анализом собранных материалов, поразмышлять над опытом недавних тактических учений: отдельная тяжелая танковая бригада имени Кирова на них отличилась.

И вот неожиданная задача. Теперь придется потерпеть. Поездка ответственная...

Полковник Моршаль — само обаяние. Приветливая улыбка не исчезает с его красивого, холеного лица. Владелец бюро по обслуживанию военных делегаций в Вердене искушен в своем деле, знает, кого как принимать, как поступить и что сказать в любой ситуации. С пылкой, почти юношеской влюбленностью он говорит о Франции, о ее сердце — Париже:

— Месье, мы стоим на мосту через Сену. Вон там открывается вид на площадь Конкорд, где во время нашей Великой революции стояла гильотина, прозванная народом национальным лезвием. Здесь открывается панорама Бурбонского дворца, в котором расположено Национальное собрание... Пожалуйста, тверже ставьте ноги на эти камни. Они взяты из Бастилии. Пусть каждый наступает на символы мрачной тюрьмы и чувствует, как он свободен!

Слушая витиеватую речь, Лизюков с радостным удивлением оглядывал достопримечательности города: собор Парижской богородицы, окутанный синеватой дымкой Версаль, Триумфальную арку, знамена, колышущиеся под сводами Дворца инвалидов.

У могилы Неизвестного солдата Моршаль задержал группу красных командиров подольше.

— Вот,— патетически произнес полковник,— перед вами алтарь нашего патриотизма. Здесь погребены останки воина, сражавшегося и погибшего под Верденом!

Кто-то негромко заметил:

— Вашего земляка, месье.

— Да, господа, верденцы гордятся этим!

Полковник был убежден в том, что весь мир должен любить не только Верден, но и Францию, что человечество никогда не допустит, чтобы над ее просторами разлилась военная гроза. Он не замечал тех, кто уже тогда толкал страну к недалекой катастрофе, хотя они и не думали прятаться. С одним из таких людей довелось встретиться советской военной делегации. Неопрятный тип с выправкой старого служаки представился корреспондентом журнала «Же сюи парту», близкого по своему направлению к местной фашистской организации «Круа де фе» («Боевые кресты»).

— Наше издание является пронемецким,— пояснил журналист.— Мы стоим за сотрудничество с Германией.

У нас с ней один общий враг — большевизм. Я с нетерпением жду, когда начнется война против Советов. Только такая война имеет для нас смысл!

Яснее не скажешь. Хотя тип говорил по-французски, глаза его горели стрекопытовской ненавистью к своему народу, к приезжим.

— Не обращайтесь внимания, господа, — старался сгладить этот антисоветский выпад Моршаль. — У кагуляров (фашистов. — *А. И.*) все наоборот.

— Конечно, из любви к отечеству, — добавил Александр Ильич.

— Вот именно, — ослепительно улыбнулся полковник, но глаза его смотрели невесело.

Французы, в своем большинстве не заинтересованные в развязывании второй мировой войны, были настороже. Они хорошо понимали, куда клонят коричневые молодчики, что только сотрудничество с СССР, честное и постоянное, способно связать руки агрессорам и их пособникам. Тому немало доказательств видели и члены советской военной делегации.

В соответствии с программой она посетила Амьенский район, где произошло одно из первых сражений с участием сотен танков и авиации, о котором горячо спорили товарищи Лизюкова еще в академии и о котором он сам неоднократно писал в своих статьях и брошюрах.

Александр Ильич с нетерпением ожидал этого дня, чтобы воочию убедиться в правильности собственных представлений, выводов, чтобы из непосредственных впечатлений, если это необходимо, извлечь уроки на будущее. Надежды не оправдались. Не только в музее, но и на самом амьенском поле полковник Моршаль не сообщил ничего нового для советских военных специалистов. Еще раз повторил высказывания Людендорфа о том, что массовое применение танков англичанами и французами в какие-то два-три часа опрокинуло почти семь немецких дивизий, обратило их в папишеское бегство.

— Этот день,— многозначительно подчеркнул Моршаль,— будет постоянно напоминать о бессмертной славе нашего оружия. Для Германии он останется днем траура.

Прошрое, как крепкое бургундское вино, пьянило полковника. Как будто с тех пор обстановка осталась неизменной. Немецкая армия усиленно готовилась взять реванш, открыто форсировалось производство вооружений: танков, самолетов, артиллерии. Когда об этом деликатно напомнили Моршालю, полковник весело парировал:

— Щит из бетона, стали и автоматического оружия надежно прикрывает грудь Франции. Только безумцы способны его атаковать!

Речь шла об известной «линии Мажино». Широко разрекламированная, она предстала перед делегацией почти сплошной стеной из железобетона с бесчисленными, хорошо замаскированными под окружающую местность, закрывающимися амбразурами для орудий, гранатометов, пулеметов, огнеметов, зенитных установок. Ее окрестности на многие километры простреливались прицельным огнем, подступы были опутаны многими рядами колючей проволоки и заминированы. Целые подземные поселки соединялись между собой узкоколейными железными дорогами, чтобы обеспечивать их защитников всем необходимым.

— Здесь, месье, истечет кровью любая наступающая армия,— гордо подвел итоги осмотра укреплений Моршаль.

Мысль о том, что «линию Мажино» можно обойти, причем без особого труда, казалась ему совершенно противоестественной. Не менее противоестественными ему казались танковые части и соединения. По мнению полковника, стальные крепости гораздо целесообразнее применять в составе пехотных частей и соединений. Узнав о том, что Александр Ильич командует танковой бригадой, Моршаль искренне посочувствовал ему:

— Вам, дорогой мой, наверняка очень плохо спится от бесконечных забот об этой технике.

— Совсем наоборот,— отшутился Лизюков.— Не замечаю, как мелькают дни и недели. Влюблен в броневое дело, как вы в Верден.

— Загадочный человек,— удивился полковник.— Откройте свой секрет.

Спустя три дня делегации показывали занятие по вождению танков. Блестевшие свежей краской, но старенькие танки «рено» преодолевали различные препятствия и заграждения. Машины на довольно малой скорости весьма осторожно переваливали через гребни эскарпов, утюжили окопы, траншеи, не спеша, словно принюхиваясь к чему-то, сползали в ров.

— Не торопятся,— заметил кто-то из членов делегации.

— Месье, не хотите размяться? — любезно предложил Моршаль.— К вашим услугам могу остановить любой танк. Есть желающие?

— Могу вам доставить удовольствие. Прокачу с ветерком! — весело отозвался Александр Ильич.

Отступить полковнику было некуда. Он зычно распорядился:

— Анри, уступите место за рычагами!

Лизюков внимательно осмотрел машину. Она, конечно, уступала Т-35. Тем сильнее хотелось опробовать систему управления. Сделав пробный круг по танкодрому, чтобы проверить, как «рено» послушен рычагам и переключателям, Александр Ильич повел стальную крепость через препятствия и заграждения. От рубежа к рубежу машина двигалась все быстрее. Наблюдавшие эту картину французские офицеры, сержанты, солдаты с азартом кричали:

— Давай, давай!

Перед рвом, не останавливаясь и не сбавляя скорости,

танк шумно выдохнул кудрявый клуб дыма. Окутанный им перелетел на другую сторону преграды.

На исходном положении раскрасневшийся от удовольствия Моршаль с восхищением говорил:

— Это был настоящий прыжок. Мы, господа, парили в облаке. Так вот в чем ваша загадка, месье. Вы — летающий танкист. Поздравляю!

Механик-водитель Анри протянул свою широкую ладонь Лизюкову для рукопожатия. Полковник перевел бесхитростный вопрос солдата:

— Анри интересуется, почему у вас, месье Лизюков, мозоли на руках как у рабочего? Вы же офицер.

— Потому, что я управляю танками не меньше любого механика-водителя в бригаде.

...Вернувшись из Франции, Александр Ильич обстоятельно изложил свои впечатления, трезво оценил сильные и слабые стороны действий войск на учениях в Амьенском районе. Поделился своими соображениями о структуре бронетанковых частей, соединений, еще раз обосновал свое мнение о том, что считает неоправданными меры по расформированию в Красной Армии танковых корпусов. В маневренной войне именно им может принадлежать будущее в разгроме врага.

Кроме того, Лизюков считал необходимым интенсивно совершенствовать тактическую и особенно техническую подготовку командных кадров стрелковых частей и соединений, приблизить ее к условиям реального современного боя, больше проводить двухсторонних войсковых учений с участием танков, броневедомостей, бронепоездов. Наконец, офицер-новатор предлагал перестроить отдельные разделы программы специальной выучки старшего состава с таким расчетом, чтобы дать возможность каждому командиру глубоко осознать особое значение и необычную роль нового, по его мнению, исключительно перспективного рода войск.

В одной из статей, касающейся данной проблемы, комбриг писал: «Войсковой начальник должен быть подготовлен к руководству автоброневой частью настолько, чтобы в нужный момент правильно решить, где и как он ее применит».

Сразу после опубликования этой статьи редакция журнала «Техника и вооружение» получила немало откликов на нее. Читатели, а среди них было командиры, политработники, соглашались и спорили с автором, вносили свои предложения. Письмом откликнулся и младший брат Петр, уже ставший командиром артиллерийской батареи. Он не только поделился впечатлениями о содержании материала, но и с радостью поздравил Александра Ильича с награждением орденом Ленина. «Теперь у Лизюковых,— писал он,— два ордена (Петра накануне наградили орденом «Знак Почета».— А. И.). Настоящий семейный праздник. Но чувствуешь, как наступаю тебе на пятки?»

В конце 1940 года Александра Ильича назначили заместителем командира 36-й танковой дивизии. Офицер-коммунист старался сделать все необходимое для повышения полевой выучки личного состава подразделений, частей соединения. Он хорошо понимал: военная гроза стоит на пороге Родины...

С тревожным чувством Александр Ильич восстанавливал в памяти самые важные события последних лет, впечатления, сохранившиеся от поездки во Францию. У него не было сомнений в том, что эта страна, ее вооруженные силы могли бы долго и упорно сопротивляться немецко-фашистскому нашествию, если бы не предательство правящих реакционных сил.

Успехи фашистских войск, считал Лизюков, по существу, объясняются не столько военной мощью Германии, которую, конечно, нельзя сбрасывать со счетов, сколько слабостью ее противников, точнее их коварством, стрем-

лением направить Гитлера на восток, против СССР. Главное теперь — быть начеку, готовиться к схватке с сильным, опытным, технически оснащенным врагом. Вот о чем он расскажет коммунистам полка, интересующимся положением в Европе. Пусть каждое его слово зовет их к утроенной бдительности.

В те дни на самом деле в воздухе все сильнее пахло пороховой гарью. Немецкие дивизии сосредоточивались неподалеку от Бреста, в восточной Польше, как соединения, предназначенные для первого удара и дальнейшего развития наступления в направлении на Минск. Впрочем, подобное происходило по всей западной советской границе от Черного до Балтийского моря.

ПЕРЕПРАВЫ В ОГНЕ

Горловину мешка в районе Соловьевской и Ратчиновой переправ через Днепр немцы всячески пытались перехватить. Там действовал сводный отряд полковника А. И. Лизюкова, которому ввиду важности дела командующий фронтом лично поставил задачу обеспечить пути питания (и в случае нужды — отхода) борющимся под Смоленском войскам.

Из книги К. Рокоссовского «Солдатский долг»

Высокий, широкоплечий, с выправкой кавалериста Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, командующий войсками Западного фронта, провел красным карандашом по карте. На синей жилке Днепра, петлявшей среди темной зелени дубрав и роц, забাগровела короткая прямая линия, обведенная такого же цвета кружком. Опустив припухшие от бессонных ночей веки, Семен Константинович медленно, разделяя слова, произнес:

— Видите, полковник, это место? Понимаете, для чего сюда рвется противник?

Лизюков пристально взгляделся и молча кивнул головой.

— Здесь,— продолжал маршал,— сейчас решается не только судьба сегодняшнего боя, но и то, как события будут развиваться завтра. Переправу надо удерживать, чего бы это ни стоило. Любыми средствами, в любой обстановке. Вы поняли?

— Так точно, товарищ командующий! Разрешите выполнять немедленно?..

Броневик, в котором ехал в деревню Соловьево Лизюков, подпрыгивал на корнях деревьев, нырял в листву, выскакивал на просторные поляны, и тогда ночной ветер приятно охлаждал лицо, обдавая медовым ароматом цветущих лип, терпким запахом созревших трав, пока еще не тронутых косами, и еще чем-то чужим, тревожным и с примесью дымной горечи от близких пожарищ, с пронзительным пороховым настоем, от которого слезились глаза, першило в горле.

Враг на Смоленщине. В очевидное не верилось как в нереальное. Александр Ильич, цепко держась одной рукой за поручень, другой сгреб капельки студеной росы с тяжелой, шероховатой крышки люка башни, провел по разгоряченной щеке. Освежило. Мысли обрели четкость: «Наступить сюда фашисты станут одновременно с юга и севера по сходящимся направлениям. Для них это лучший вариант. Причем не в лоб, конечно, а рыская по сторонам, отыскивая слабые места в нашей обороне. Ваше решение?» Лизюков улыбнулся самому себе: совсем как в академии на тактических занятиях. Интересно, как на его месте поступили бы Гай или Кирпонос? Они были гораздо на сюрпризы. А что посоветовали бы преподаватели?

На эти и другие вопросы он уже ответил не в аудитории, а в пламени первых сражений Великой Отечественной...

21 июня 1941 года был подписан приказ о новом назначении — на должность начальника 1-го отдела автобронетанкового управления Западного особого военного округа. К этому месту службы Лизюков выехал из Москвы 24 июня, а утром следующего дня попал во фронтовую коловерт.

Выбравшись из охваченного огнем поезда, разбомбленного немецкой авиацией неподалеку от города Борисова, Лизюков огляделся. Между горящими вагонами, вдоль развороченного железнодорожного полотна и дальше по редколесью у самого моста металась люда, стояли раненые. Их голоса заглушал рев и вой самолетов, пронесившихся так низко, что казалось, их крылья вот-вот коснутся верхушек деревьев. Меченные белыми крестами бомбардировщики пронеслись волна за волной. Под ними взметывались черные султаны земли.

Мимо, пригибаясь, бежала группа бойцов и командиров. Вскочив на насыпь, Александр Ильич крикнул:

— Стой! Всем ко мне!

Увидев полковника, один из них представился:

— Майор Кузьмин.

— Назначаю вас старшим. Приказываю занять оборону на подступах к мосту. Назад ни шагу!

По-прежнему с неба сыпались бомбы, грохотали разрывы, свистели пули, но военнослужащие, следовавшие в эшелоне в разные части, уже не чувствовали себя песчинками, увлекаемыми ураганом. Они превратились в войско. Группы стали взводами, ротами. Александру Ильичу докладывали: «Товарищ полковник, собрано двадцать винтовок, три ручных пулемета»; «В вагоне обнаружены ящики с патронами и гранатами»; «Остановлено пять автомашин. На одной имеется зенитный пулемет»...

Лизюков отдавал короткие распоряжения, суть которых заключалась в том, чтобы выполнить поставленную

задачу исключительной трудности: организовать оборону моста через реку Березину. Сюда нацеленно и упорно рвались гитлеровцы. Они спешили как можно быстрее перерезать пути отхода нашим войскам.

Точно оценив реальную угрозу окружения, Александр Ильич принял все необходимые меры к тому, чтобы не допустить врага к переправе. По его указанию район разделили на четыре участка, во главе которых были назначены полковники Белый и Гришин, подполковник Мороз и майор Кузьмин. Учитывая настоятельную необходимость непрерывно восстанавливать переправу, Александр Ильич сформировал подразделение саперов. Старшим назначил капитана Воликова, уже успевшего за несколько часов показать себя большим знатоком фортификационных работ, мужественным, хладнокровным военным инженером. На Воликова можно было положиться практически в любой ситуации. Он не терялся, действовал расторопно, отдавал нужные приказания коротко и спокойно, как будто опасности не существовало. Подражая невозмутимому капитану, саперы не раз и не два откладывали топоры, пилы, скобы, брались за винтовки, чтобы так же уверенно работать штыком и прикладом в очередной рукопашной схватке, отбивая натиск противника.

Плохо было с обеспечением оружием, снаряжением, боеприпасами, медикаментами. Лизюков обратился за поддержкой к начальнику гарнизона корпусному комиссару И. З. Сусайкову. Вскоре из Борисова стали поступать машины с винтовками, гранатами, снарядами, патронами. Подвезли строительные материалы, шанцевый инструмент. С радостью встретил полковник несколько пулеметов. Их установили с таким расчетом, чтобы держать под перекрестным огнем подступы к мосту.

Вместе с Александром Ильичом находился шестнадцатилетний сын Юрий, упросивший отца взять его с собой на фронт, на что было получено соответствующее

разрешение в Наркомате обороны. Окрыленный доверием взрослых, юноша раздобыл карабин, неутомимо бегал, переползал по-пластунски с участка на участок вдоль берега реки, выполняя поручения отца.

В одном из первых писем Лизюкова жене, отправленных из действующей армии, есть строки, посвященные Юрию: «Он доброволец, зачислен курсантом Борисовского бронетанкового училища... Держит себя сын в бою смело... Из него выйдет достойный патриот нашей Родины и партии».

Утром следующего дня гитлеровцы предприняли общее наступление на всех участках. Особенно ожесточенно враги продвигались в центре, стараясь расчленить район обороны, разгромить его защитников по частям. Используя пятикратное преимущество в живой силе, не считаясь с потерями, фашисты смогли прорваться к мосту, когда темнота окутала оба берега.

Александр Ильич с группой командиров и политработников находился в нише, открытой под корнями дуба. Отсюда он восемь раз водил в атаку бойцов, но тщетно. Тогда полковник поставил новую задачу:

— Товарищи, нас осталось немного, но переправу надо отбить. Слышите приближающийся гул канонады? Это пробиваются наши войска. Они надеются, что мы не подведем. Даю девяносто минут, чтобы привести подразделения в готовность для нанесения нового удара. Атаковать без выстрелов, без «ура». Сигнал начала движения: по цепи крик перепелки. Если есть вопросы, прошу задавать.

— Как бы своих не переколоть?

— Оознавательный знак — белая повязка на правом рукаве. Ясно?

— Так точно!

Было тихо. Александр Ильич принял короткие доклады о готовности. В назначенный срок он тихонько при-

А. И. Лизюков обходит строй воинов. 1941 г.

свистнул: «Спать пора, спать пора». Слева и справа откликнулись голоса «перепелок»...

В предрассветном тумане бойцы без выстрела ворвались в траншею противника. Они кололи ошеломленных гитлеровцев штыками, сокрушали прикладами, рубили саперными лопатами. То здесь, то там сквозь хрипы и стоны раздавалось призывное «спать пора». Враги, ища спасения, бросались туда, где их ожидала верная гибель.

Полковник находился в самом центре схватки. Коренастый, большелобый, невозмутимый, он действовал решительно и находчиво. Немцы принимали его за привидение, поднявшее в безмолвную атаку вчерашних мертвецов. В ужасе они бросились бежать, только бы скрыть-

ся от наваждения, от ледящих их душу голосов перепелок.

Мост опять наш!

Следуя примеру и приказу непреклонного командира, саперы снова в короткий срок восстановили то, что было разрушено. Почти одновременно на западном берегу появились первые подразделения наших войск. Поток пехоты, машин, повозок двинулся по прочному настилу. И хотя противник в бессильной злобе вновь открыл ураганный огонь, переправу он уже сорвать не мог.

В наградном листе тех дней говорится: «Полковник Лизюков Александр Ильич с 26 июня по 8 июля 1941 года работал начальником штаба группы войск по обороне города Борисова. Проявил максимум настойчивости, энергии и инициативы. Буквально под непрерывной бомбежкой со стороны противника, не имея средств управления, товарищ Лизюков своей настойчивой работой обеспечил управление частями. Лично проявил мужество и храбрость. Пренебрегая опасностью, появлялся среди бойцов и командиров на важнейших участках и восстанавливал необходимый порядок».

Десять дней топтались на месте гитлеровцы. В их скрупулезно рассчитанных планах появились первые сбои.

Ранним утром 3 июля 1941 года генерала Гудериана, дивизии которого наступали здесь, через реку Березину под городом Борисовом, срочно вызвали в Минск, прямо в штаб к фельдмаршалу фон Клюге. Там ему без обиняков предложили дать объяснения, почему происходят отклонения в графике «блицкрига». Фон Клюге прямо высказал свое недовольство, подчеркнув, что намеревался отдать Гота и Гудериана под суд. Угроза не очень помогла. Немецкий «танковый бог» уже начал понимать: успех его войск висит на волоске. Четыре дня спустя он записал: «В большой степени вызывало сомнение достижение

наших первых оперативных целей и окончание кампании уже осенью 1941 года».

Лизюков, спешивший к переправе в районе деревни Соловьево, разумеется, не мог знать о приведенных фактах. Его мысли, все силы души были сосредоточены тогда на другом: как выполнить задачу, поставленную перед ним командующим войсками Западного фронта С. К. Тимошенко? Сводный отряд, которым командовал Александр Ильич, располагал весьма скромными силами и средствами: несколько разрозненных, неуккомплектованных стрелковых частей и подразделений, небольшое количество танков, главным образом легких, броневиков, противотанковый дивизион (чуть больше полнокровной батареи), зенитно-пулеметные установки и саперная рота для минно-заградительных работ. Пополнение намечалось осуществлять в первую очередь за счет тех, кто выходил из окружения.

Главная надежда возлагалась на искусство, на то, чтобы перехитрить противника. Вот почему основу закладываемого командирского замысла составили: скрытность действий отдельных подразделений на разных направлениях по единому, известному лишь Лизюкову плану; маневренность, которую предстояло обеспечить за счет скорости легких танков, броневиков и приданной им артиллерии. Суть замысла в непрерывном перемещении от одного угрожаемого участка к другому, в нанесении внезапных огневых ударов по врагу и в стремительных коротких контратаках, без дальнейшего преследования отступающих, чтобы не раскрыть малочисленность собственных сил и средств.

Кроме того, важно было правильно использовать местность: густые леса Смоленщины, множество болот, озер, речек, а также частые туманы, в которых фашисты теряли управление, нервничали, стопорили ход.

«Чем меньше противник о нас будет знать,— размыш-

лял Лизюков,— тем больше возможности ввести его в заблуждение. Пусть от нашей подвижности у немцев зарябит в глазах...»

Водитель резко затормозил. За ветвями огромной ели выросла стена завала. Откуда-то сбоку раздался голос: — Стой, проверка документов!

Полковник спрыгнул на землю. Высокий боец в каске, с автоматом на груди навис над ним, пока старшина в фуражке с темным околышем водил фонариком по его предписанию и удостоверению. Закончив осмотр, проверяющий сказал:

— Ждут вас, товарищ полковник. На переправах опять суматоха, сам черт не разберет. Пенежко, проводите на командный пункт.

Только сейчас Лизюков рассмотрел богатыря с автоматом. Осунувшееся, потемневшее лицо со шрамом от уха к носу. Такой шрам был только у одного человека из всех, кого знал Лизюков. Неужели?..

Боец повернулся, чтобы пропустить офицера, на его гимнастерке блеснул орден Красной Звезды.

— Николай!

Тот вздрогнул и как-то сразу сник, потупился на ходу. Видимо, еще не знал, что его ждет: улыбка земляка, объятия или... Столько лет не виделись, да и расстались не за праздничным столом. Александр Ильич понимал и не торопил. Пусть сам откроется. Время пока терпит. Они продолжали двигаться рядом по лесной тропинке, пахнувшей, как в родной Белоруссии, грибами и земляникой. Пенежко торопливо, сбивчиво заговорил:

— Вы, товарищ полковник, ничего плохого не подумайте. Я свою вину искупил сначала мозолями на стройке Беломорканала, потом кровью на Халхин-Голе. Вот орден получил за те бои. Сейчас в саперах.

— Как переправы?

— Держатся, пока мы живы.

Неожиданная встреча с земляком разбередила душу. Вспомнились родные. Как там они? Где сейчас братья? В последнем предвоенном письме Евгений просил прислать литературу о гражданской войне, о современной армии. Чувствовалось, что его, несмотря на болезнь, по-прежнему тянет к службе, к строгой ратной жизни. Александр Ильич собрал целую посылку с книгами, а в коротеньком письме пожелал: «Не сомневаюсь — пригодится».

Петр уже давно освоился на службе. В 1940 году он получил назначение на должность командира артиллерийского дивизиона. От него приходили весточки, больше похожие на телеграммы: «Жив-здоров. Жму руку. Лизюков»...

На рассвете в маленькой церковке состоялся совет командиров частей и подразделений сводного отряда. Внимательно выслушав подчиненных, полковник заключил:

— Важно, товарищи, обеспечить устойчивость и подвижность нашей обороны. Необходимо собрать зенитные средства в кулак, сосредоточить артиллерию на танкоопасных направлениях, оборудовать ее позиции вот здесь. Кроме того, следует быть постоянно готовыми быстро перегруппироваться, оставив заслоны у переправы, наносить удары во фланг и тыл противника и ни на минуту не прекращать разведки!

С первыми солнечными лучами налетели «юнкеры». Их встретили метким сосредоточенным огнем. Бомбардировщики заметались, сбрасывая свой смертоносный груз куда попало. Первые три налета не принесли врагу ожидаемых результатов. Мост оставался невредимым. Небольшие поломки понтонов саперы устраняли без труда. Рядовой Пенежко первым бежал с бревном на плече к месту повреждения.

Неожиданно раздался пронзительный крик:

— Танки!

Николай прыжками бросился к берегу, укрылся в окопе, изготовился к стрельбе.

Тяжелые машины, подминая кустарник, двинулись по зеленому склону. Черные стволы пушек, пулеметов выискивали цели. Волнение сковало руки Пенежко. Ему захотелось сесть на дно окопа и не вставать. И тут он услышал знакомый голос полковника Лизюкова:

— Вот и гости пожаловали. Встретим их, ребята, как подобает?

И окопы откликнулись:

— Встретим! Век будут помнить эту встречу! Горячо им станет...

Для командира сводного отряда первое появление танков противника на рубежах Соловьевской переправы не было неожиданностью. Два дня назад разведчики-наблюдатели 18-го мотополка доложили ему о том, что вечером, когда уже заходило солнце, из-за деревьев на противоположном берегу появился немецкий танк. Видимо, механик-водитель не рассчитал места остановки: башня со стволом орудия отчетливо показалась над ветками.

В ту же ночь Александр Ильич приказал артиллеристам почти половину пушек выдвинуть вперед для стрельбы прямой наводкой. Их тщательно замаскировали. Саперы заминировали наиболее опасные участки на противоположном берегу. Пехота углубила свои укрытия. Защитникам переправы раздали бутылки с зажигательной жидкостью, провели с ними короткие тренировки по метанию в подвижные цели.

Оправдалась командирская предусмотрительность. Первые бронированные машины подорвались на минах. Следовавшие за ними развернулись, подставили борта под снаряды. Запылала и те танки, которым удалось прорваться в глубину обороны отряда: их подожгли точными бросками гранат и бутылок с горючей смесью. Один

из них остановил «карманной артиллерией» рядовой Пенежко.

Противнику не удалась внезапная танковая атака на переправу. Провалились и последующие. Всякий раз гитлеровцы встречали стойкое сопротивление. Напоминавшая туго сжатую пружину подвижная группа наносила сокрушительные удары то по северному, то по южному острию фашистских клиньев. Почерневший от бессонницы Лизюков вовремя появлялся там, где было труднее. Его присутствие воодушевляло защитников переправы. Они стояли насмерть.

— Главное сейчас в том,— говорил воинам Лизюков,— чтобы уничтожить как можно больше врагов, подороже взять с них плату за каждый вершок советской земли.

За этой простой формулой стояла крайняя надобность не просто сохранить свою жизнь в ожесточенных схватках, но сделать ее неистребимой. Доказать, что она снова и снова возрождается из пепла и крови, и тем вселить в сознание фашистов мысль о бесплодности их военных затей.

27 июля неприятель сомкнул клещи у деревни Соловьево. В его руках наконец оказался правый, господствующий над окрестностью берег. С крутояров как на ладони видна была обширная мокрая луговина вплоть до леса. Гитлеровцы не спеша оборудовали неприступную, по их мнению, позицию. Солдаты ходили во весь рост, весело перекивались.

— Теперь их не достанешь,— сказал с горечью старший сержант, поправляя окровавленный бинт на голове. Стоявший рядом Лизюков ничего не ответил.

Предстояло, казалось, невероятное: вернуть противоположный берег. Правда, уже появилась надежда. Доложили о прибытии подкрепления. В обескровленные подразделения влились несколько стрелковых рот, ар-

тиллеристы, минометчики, танкисты. Важно было вдохнуть во всех веру в успех предстоящего дела.

Окинув взглядом собравшихся на опушке, Александр Ильич громко, чтобы услышали все, попросил:

— Ну-ка, старший сержант, вытяните руки. Вот они какие длинные да крепкие.

Вокруг вспыхнул смешок.

— С такими долгорукими достанем и подальше. Как, товарищи, вернем яры?

— Вернем! Только огоньку подбросьте.

— Огонек беру на себя. Награды гарантирую!

Замысел полковника состоял в том, чтобы во время артподготовки преодолеть луговину, переправиться через Днепр, войти в мертвое пространство под обрыв, затем, не останавливаясь, выбить фашистов.

Утром на околице деревни брызнули султаны разрывов. Пыль и дым окутали крутояры. Наши войска рванулись вперед. Лизюков бежал в первой цепи. Когда движение замедлилось, он вскочил на легкий танк. Видный всем, закричал, размахивая пистолетом:

— Быстрее, друзья! Днепр рядом! Не посралим наши боевые знамена!

Полковник перевел дыхание только тогда, когда Соловьево снова было прикрыто щитом сводного отряда... Вечером его попросили зайти в медсанбат. Там под старой ракитой на плащ-палатке, багровой от крови, лежал рядовой Пенежко. Бледный, с ввалившимися глазами, он как-то виновато улыбнулся:

— Прости, Александр Ильич, отвлек от дела. Только нет у меня здесь больше никого. Вот кончаюсь... Просьба последняя...

— Что ты, Николай Васильевич, мы еще погоним их обратно, как в девятнадцатом!

— Жаль, что без меня. Прошу,— повторил умирающий,— передайте это брату. Пусть не поминает лихом...

Пенежко протянул руку, разжал пальцы. На траву упал орден Красной Звезды...

До 5 августа, пока не вышли с боями, сохранив честь и знамена, 16-я и 20-я армии, боролась и жила Соловьевская переправа. Орденами и медалями отмечена стойкость многих воинов сводного отряда. Именно 5 августа 1941 года в Кремле был подписан Указ о присвоении полковнику А. И. Лизюкову звания Героя Советского Союза.

НАСТУПАЕТ МОСКОВСКАЯ ДИВИЗИЯ

Каждый боец, политработник и командир действующей армии должен из каждого отдельного боя делать выводы, что и где он делал правильно и где ошибался.

Из книги А. И. Лизюкова «Что надо знать бойцам при наступлении на немцев»

Рекогносцировка, которую с группой командиров проводил полковник А. И. Лизюков, недавно назначенный командиром 1-й Московской Пролетарской мотострелковой дивизии, завершалась. Офицеры вглядывались в назначенные им ориентиры: в дом лесника на поляне, развилку дорог, силосную башню, чудом уцелевшую на дальнем разъезде. Послезавтра они станут указателями разграничительных линий рот, батальонов, полков, наступающих северо-западнее Ярцева. Впервые за долгие недели отступления войска пойдут в обратном направлении — погонят захватчиков вспять, на запад!

Командиры уже знали о том, что началась Ельнинская операция и необходимо во что бы то ни стало помочь развитию ее успеха, отвлечь на себя резервы гитлеровцев, дать врагу почувствовать, что соединение способно не только останавливать фашистов, изматывать

их на рубежах обороны, не только выходить из окружения, но и громить неприятеля в наступлении.

Александр Ильич воспринял свое назначение и ответственную задачу, поставленную перед соединением, как большую честь и высокое доверие к нему со стороны начальства. Слава о Московской Пролетарской дивизии еще в предвоенные годы гремела по всей стране. Она комплектовалась в значительной степени за счет молодых рабочих столицы, впитала в себя славные революционные традиции героев баррикадных боев, первых красногвардейских отрядов. Здесь широко применялся опыт Московской партийной организации.

Полигоны, стрельбища, учебные поля «Пролетарки», как любовно называли ее в народе, являлись подлинной лабораторией, где взыскательно проверялись новые, самые совершенные образцы оружия, техники. Здесь многое организовывалось впервые: разрабатывались тактика глубокого маневренного боя, форсированные марши. Только за один год личный состав доказал, что в условиях зимнего бездорожья (по глубокому снегу) он способен за четверо суток совершить 160-километровый бросок, а осенью в полном составе перемещаться на большие расстояния, используя автотранспорт. Тогда в этом деле еще не было ни инструкций, ни руководств. Все создавалось заново. Рождалась и передовая методика обучения и воспитания личного состава, закалялись, оттачивались командирская мысль, воля.

Не раз «пролетарцы» демонстрировали свою слаженность, выучку и мастерство перед зарубежными специалистами. Еще в сороковом году они совместно со школой ВЦИК провели показательные маневры, на которых присутствовали офицеры и генералы из 13 государств, в том числе из США, Англии, Франции, Японии. Вот почему в предстоящем наступлении на дивизию возлагались особые надежды.

Передний край обороны противника протянулся по западному берегу реки Воль. Здесь был тихо и безлюдно. Ничто не выдавало приготовлений противостоящих сторон. Лишь ночью фашисты продолжали совершенствовать укрепления, заграждения. Слышался звон пил, стук топоров, гудели двигатели танков, автомобилей.

Какие сюрпризы готовил враг? Где сосредоточивал главные силы и средства? Как намеревался их применить? На эти и другие вопросы нужно было искать ответы. Незамедлительно.

По указанию Лизюкова в боевом охранении, как только сгущались сумерки, организовывались прослушивание местности, визуальное наблюдение за противником. Каждая мелочь тщательно фиксировалась многократно с разных направлений. Затем делались выводы. Удалось узнать многое. И все-таки разведанных явно не хватало. «Белые пятна» в какой-то степени помогла уменьшить рекогносцировка, во время которой под руководством комдива воссоздали более полную картину начертания обороны, вероятное расположение основных сил, средств врага.

Конечно, хотелось знать детали, особенно те, что раскрывали построение противотанковой артиллерии на труднодоступных участках. Где расположены немецкие батареи, предназначенные для этой цели? В каком составе? Какие рубежи они уже успели пристрелять?.. Размышляя над возникшими вопросами, комдив отдал последние распоряжения, отпустил офицеров по частям и подразделениям, чтобы они как можно быстрее приступили к непосредственной подготовке подчиненных к предстоящему суровому испытанию. Сам с небольшой группой штабных работников, бойцами охраны направился по склону заросшего кустарником оврага к броневнику.

Внезапно почти одновременно с трех сторон ударили автоматные очереди. Засада!

Укрывшись за массивным стволом вековой сосны, Александр Ильич приказал подчиненным рассредоточиться, залечь.

— Лейтенанта Пендака ко мне!

— Я здесь, товарищ полковник! — адъютант вырос за его спиной.

— Возьмите трех бойцов. Скрытно обойдите справа вон тот осинничек. Видите?

— Так точно.

— Мы завяжем перестрелку, а вы хорошенько там поищите. Нам сейчас как раз не хватает «языка». Ясно, лейтенант?

Пендак бесшумно исчез в темной зелени зарослей. Ни одна ветка не колыхнулась.

— По осиннику, залпом, прицел три. Огонь! — командовал Лизюков.

Грохнул залп, другой, третий. Эхом отозвался дробный перестук автоматных очередей. За стволами деревьев то здесь, то там вспыхивали, гасли и снова загорались, но уже в другой стороне, малиновые светлячки. После небольшой паузы снова очередь за очередью. Создавалось впечатление, что огонь ведется целым взводом, а может быть, даже и более крупным подразделением.

— Товарищ комдив, уходите к машине! — крикнул капитан из оперативного отдела.— Мы вас прикроем...

— Отставить! — резко и властно оборвал его полковник.— Слушай мою команду! Разомкнутой цепью, короткими перебежками — вперед!

Спустя примерно полчаса, после короткой схватки в оцепленном со всех сторон осиннике, где перебили семерых немецких автоматчиков, восьмого, приведенного со связанными руками лейтенантом Пендаком, допрашивал Александр Ильич. Переодетый в красноармейскую форму пленный заискивающе говорил:

— Я не немец. Я австриец... Иоганн Эллер. Меня заставили. Я не хотел...

Налет с маскарадом явно провалился. Лизюков, сдерживая чувство гадливости, спокойно объяснил:

— Это будет учтено, если вы ничего не утаите. Следуйте за мной.

На наблюдательном пункте, где недавно проходила рекогносцировка, Эллера подвели к стереотрубе. Бывший артиллерийский разведчик немедленно понял, что от него хочет советский полковник с орденом на выцветшей гимнастерке. Почти не останавливаясь, он заторопился, выкладывая все, что знал:

— Там, у домика лесника, за копнами сена замаскированы шесть танков: четыре средних и два тяжелых. По опушке леса за оврагом — позиция артиллерийского дивизиона, левее — минометная рота. Лощина за развилкой дорог заминирована...

Пленный не только дал ценные сведения о силах и средствах противника, но и раскрыл известные ему тактические приемы, применяемые фашистами на Восточном фронте. Судя по словам австрийца, большие надежды гитлеровское командование возлагало на систематическую заброску в наш тыл небольших групп автоматчиков, в составе, например, отделения, чтобы в удобный момент сеять панику, наносить внезапные удары по нашим штабам, расположенным близко к переднему краю, уничтожать линии связи, перехватывать донесения и т. д.

Перебравшись за линию фронта, диверсионные группы какое-то время ничем себя не выдавали. К примеру, сослуживцы Эллера выжидали подходящей минуты почти трое суток: оборудовали для себя тайники, изучали окрестности, приспосабливались к условиям. Только решительные действия комдива, охраны штаба соединения предотвратили беду.

Анализируя показания пленного и предшествовавшие

события, Александр Ильич пришел к выводу: гитлеровцы планомерно и в широких масштабах используют диверсионные приемы.

Что противопоставить вероломному врагу? Нужен прием, похожий на охоту. Решение пришло: «Будем охотиться на диверсантов по-таежному, как на глухарей». Глухарь, когда поет, ничего не слышит. В этот момент к нему легче всего подобраться и бить наверняка. Таким же образом следовало действовать и против диверсантов, то есть нападать на них в то время, когда они стреляют.

Выступая на сборе «охотников-истребителей», комдив разъяснил, как вернее уничтожать диверсантов:

— Имейте в виду, товарищи, что автоматчик после каждой очереди осматривается по сторонам, ищет новые цели. В этот момент надо замереть, ничем себя не выдавать. Начал стрелять — полным ходом опять к нему. Сближаться следует скачками. Как обнаружили, окружайте. Здесь автоматчику и придет конец. Расстреливайте на месте, если оказывает сопротивление, в ином случае плените.

Так и действовали группы истребителей. Два-три толковых бойца во главе с сержантом нередко очищали от диверсантов целые лесные урочища. Показательна в этом отношении статистика штаба: в сентябре 1941 года «охотники» в первый день уничтожили 26 автоматчиков, во второй — 18, в третий — 12, в четвертый и пятый — по 6, в шестой — 4. Через неделю «глухарь» в тылу дивизии исчезли.

Каждый день в подразделения и части 1-й Московской Пролетарской дивизии прибывало пополнение — столичные рабочие, учителя, студенты, врачи. Они горели желанием сразиться с врагом. Однако многие не имели представления о службе в армии. Им не хватало военной закалки, боевой выучки, доброй солдатской сноровки.

Как поскорее ввести таких людей в строй, обучить их науке побеждать сильного, коварного, технически оснащенного противника? Над разрешением этого вопроса полковник трудился вместе с военкомом дивизии батальонным комиссаром И. И. Тюпилиным, человеком незаурядного мужества, твердости духа и удивительной партийной дальновидности, чуткости в отношениях с личным составом.

При первой встрече с Лизюковым Иван Иванович поделился своей озабоченностью:

— Вы знаете, я — артиллерист. С пехотой до сих пор имел дело только в порядке взаимодействия. В общевойсковой тактике не силен...

— Не боги горшки обжигают,— пошутил комдив.— Перед вами танкист по призванию. Начинал водить бронепоезда еще в гражданскую. Не будем унывать и смущаться. Знания — дело наживное. Главное для нас сегодня — это в оставшееся время сколотить подразделения в один туго сжатый кулак, научить людей бить немцев не числом, а умением, понимать друг друга и общий маневр на поле сражения. И особенно важно — вселить в каждого высокий наступательный порыв, уверенность в том, что мы способны не только изматывать врага, стоять насмерть, но и опрокидывать его по всем правилам военного искусства, гнать с нашей земли вон, в обратном направлении!

Они без долгого разговора хорошо поняли друг друга. Батальонный комиссар вместе с работниками политотдела отправился в войска с четким плапом, целью которого было в самые сжатые сроки мобилизовать коммунистов, комсомольцев на предстоящее испытание, правильно расставить их во взводах и ротах, где нужны их зажигающее большевистское слово, личный пример смелости, готовность увлечь за собой людей на подвиг. Проводились короткие партийные и комсомольские собра-

ния, встречи с ветеранами боев, беседы агитаторов и многое другое. В полках состоялись митинги. На них выступали приехавшие из столицы старые большевики, участники Октябрьской революции, гражданской войны. Один из них, седой рабочий-металлист, обращаясь к бойцам и командирам, собравшимся на укромной поляне, говорил:

— Дорогие сынки, в восемнадцатом году я служил в Красной гвардии. Помню, как мы готовились дать отпор кайзеровским войскам под Псковом. Земляки-москвичи дали нам наказ: «Ваше наступление должно быть настолько сильно, чтобы пробить броню германского империализма». Мы выполнили тот наказ. Теперь ваш черед. Бейте захватчиков, гоните их прочь!

Полковник Лизюков занимался слаживанием штаба дивизии, штабов полков, приданных и поддерживающих подразделений. От них во многом зависело осуществление его замысла: наступать двумя эшелонами, чтобы заставить врага метаться. В первом эшелоне должен действовать 175-й мотострелковый полк, усиленный танковым батальоном, двумя артиллерийскими батареями. Ему предстояло прорвать оборону на противоположном берегу реки Воль, овладеть Новосельем и продолжать движение в направлении на Мальцево. 6-му мотострелковому полку с такими же средствами усиления нужно было атаковать противника из-за правого фланга ударной группы, создать реальную угрозу охвата, вынудить фашистов ускорить отступление, чтобы не попасть в окружение. Важное значение в замысле придавалось огневой поддержке, артиллерийскому обеспечению решительных действий. Двум гаубичным полкам надо было одновременно обрушить на гитлеровцев шквал снарядов, уничтожить или полностью подавить закопанные в землю танки, пушки, доты, дзоты, расчистить дорогу для атакующих.

Александр Ильич досконально проверял: знают ли командиры всех степеней, особенно младшие, свои непосредственные задачи, как собираются их выполнять, что предпринимают для того, чтобы достичь цели с меньшими потерями. Еще и еще раз напоминал: избегать лобовых приемов, маневрировать, не поддаваться на уловки противника.

Когда стемнело, Лизюков вернулся на свой командный пункт. Примерно через час сюда прибыл командующий 16-й армией генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Они встретились как старые знакомые. Командарм внимательно выслушал доклад Александра Ильича, утвердил план наступления, поинтересовался, закончат ли сооружение моста в срок.

— Да,— ответил полковник.— Все необходимое полностью заготовлено. Сборка займет два-три часа. Что касается пехоты, то для нее практически готовы два жердевых моста.

Проводив начальство, комдив завернул к саперам. Они уже приступили к проделыванию проходов в минных полях. На той стороне чувствовалось какое-то оживление. Фашисты праздновали. Слышались веселая музыка, пьяные возгласы.

Командир отделения сержант Феноменов наставлял подчиненных, как следует извлекать незнакомые для молодых бойцов противотанковые мины. Лизюков похвалил сержанта за это, расспросил о настроении личного состава.

— Если обо мне,— сказал без обиняков Феноменов,— то я считаю себя дважды счастливым человеком. Во-первых, мне довелось строить московское метро. Во-вторых, попал служить в Московскую дивизию...

— Теперь можете считать,— в тон ему пошутил полковник,— что вы счастливый трижды. Завтра двинемся на запад!

Налетел ветерок. Принес с той стороны разухабистую солдатскую песню.

— О чем горланят? — недоумевал сапер.

Прислушавшись к пьяным голосам, Александр Ильич ответил:

— Обыкновенная похабщина, ничего интересного.

— Ишь ты, как развеселились! — удивился сержант. — Ну что ж, посмотрим, какое веселье у них будет завтра...

Утром на позиции фашистов обрушился шквал огня. Едва закончилась артиллерийская подготовка, раздались многоголосое «ура!». Части пошли в наступление.

Две линии траншей 175-й мотострелковый полк взял на одном дыхании. В третьей разрозненные группы фашистов оказали сопротивление.

— Ускорьте движение вперед! — требовал установленным сигналом комдив.

175-й полк, развивая успех, освободил деревню Новоселье. Гитлеровцы упорно цеплялись за оставшиеся целыми позиции, но вынуждены были все же откатываться на запад. Пробивая себе дорогу, наши батальоны прошли шесть километров.

В штабах противника забили тревогу. К району Мальцева, Холма спешно стали стягивать резервы. Те самые, которые врагу крайне нужны были для борьбы за Ельню. Многого менялось в его планах. Опять рушились расчеты и графики.

Не получая запрашиваемых подкреплений, топтались на месте части и соединения Гудериана. Потери, которые несли фашисты, не смог восполнить прибывший полк «Великая Германия». Немецкий «танковый бог» рвал и метал, но ему ничего не оставалось, как смириться, записать для будущих воспоминаний причину, оправдывающую в который раз снижение скорости продвижения гитлеровских войск: «Прорыв глубиной до 10 километров,

осуществленный русскими на участке 23-й пехотной дивизии южнее Ельни».

— Ускорьте движение вперед! — передавали сигнал связисты в штабах частей наступающей дивизии.

— Не задерживаться на промежуточных рубежах! — требовали комбаты от командиров рот.

— Шире шаг, ребята! — кричали сержанты, подбадривая бойцов. — Равняйтесь по передним!

Несмотря на усталость, воины Московской Пролетарской дивизии продолжали гнать врага.

Командарм поздравил Лизюкова с хорошим началом. Задача помочь тем, кто ликвидировал Ельнинский выступ, решена успешно. Внезапное наступление дивизии смешало карты гитлеровцам.

К исходу 1 сентября темп продвижения наших войск замедлился. Утром следующего дня оно возобновилось. Однако с каждым шагом сопротивление нарастало.

Очень тяжелое положение возникло на правом фланге в районе Холма. 6-й полк, обескровленный потерями, принял на себя натиск свежих частей противника. Силы были слишком неравны. Именно сюда прибыл И. И. Тюпилин.

Батальонный комиссар остановил отходящих бойцов, организовал стойкую оборону на занятом рубеже. Неоднократно он поднимал поредевшие роты в контратаки. В одной из них осколок раздробил руку Тюпилину. Не обращая внимания на рану, он вновь увлек людей за собой. И тут вражеская пуля оборвала жизнь отважного комиссара.

Горечь потерь. Александр Ильич тяжело воспринимал каждую утрату. Упорно искал способы ведения боевых действий, позволявшие побеждать противника малой кровью. Вместе с командирами частей и подразделений анализировал причины успехов и неудач, требовал от подчиненных грамотно оценивать уловки врага, находить

контрмеры. Под руководством Лизюкова «пролетарцы» одними из первых овладели приемами борьбы с «танковыми ежами». Так назывались тогда комбинированные подразделения фашистов, в которые входили танк, минометная группа, противотанковое орудие и немного пехоты. Появляясь неожиданно то здесь, то там, они создавали видимость наступления больших сил.

Хорошие результаты давала разведка. Установив, что противник использует «танковый еж», воины дивизии не терялись: специально натренированные истребители уничтожали танк, артиллеристы метко били по минометам и пушке, пехоту добивали стрелки и автоматчики.

Не менее эффективно противодействовали они налетам фашистской авиации. По инициативе Александра Ильича была разработана методика применения залпового огня по низколетящим воздушным целям, составлена таблица величин упреждений, которую мог иметь при себе любой боец. И что же? Встречая дружный отпор, немецкие летчики не спускались здесь ниже 2 тысяч метров. А с такой высоты прицельно стрелять и бомбить нелегко.

Чем настойчивее действовали бойцы и командиры ползюковски, тем больше сокращались потери в батальонах, полках, тем увереннее громили они врага. В начале сентября стало известно: дивизия награждена орденом Красного Знамени. В поздравлении Военного совета Западного фронта по этому поводу говорилось: «В ожесточенных боях с германским фашизмом вы проявили героизм, мужество, беспредельную любовь к Родине и нанесли по фашистским войскам сокрушительные удары». Выражалась твердая уверенность в том, что бойцы и командиры краснознаменного соединения «будут и впредь с еще большим упорством, умением, мужеством и отвагой громить фашистские войска до полного их уничтожения».

ПОД ГВАРДЕЙСКИМ ЗНАМЕНЕМ

В разных условиях действовали войсковые части, ставшие ныне гвардейскими. Они били врага под Ельней, у Орла, на подступах к Москве. Именно от них бегали хваленые фашистские войска, тертя вооружение, амуницию и знамена. Имена генералов-гвардейцев Катукова, Лизюкова, Руссиянова и других — на устах у всей нашей армии.

*Из газеты «Красная звезда»
от 18 ноября 1941 года*

Когда она вошла, прихрамывая, в штабной блиндаж 175-го мотострелкового полка, где находился в тот день Лизюков, Александру Ильичу показалось знакомым лицо этой, по виду молодой, но рано состарившейся, женщины. Тугой, наскоро завязанный узел русых кос. Озорные, почти детские ямочки на щеках и жесткие, глубокие складки у губ. Птичий разлет соболиных бровей и запавшие васильковые глаза, в которых застыло безысходное горе. Чем-то неуловимым она напоминала Анастасию Кузьминичну. Оттого острый холодок сжал сердце Лизюкова.

Подполковник П. В. Новиков, командир полка, осторожно усадил женщину к столу и попросил:

— Рассказывайте...

О чем будет идти речь, комдив догадался после первых сбивчивых фраз, поэтому деликатно и мягко прервал:

— Подождите, пожалуйста, немного. Передохните, соберитесь с силами. Вот давайте поьем горячего крепкого чаю. Павел Вениаминович, надо мигом собрать из ближних подразделений коммунистов, комсомольцев, особенно из тех, кто составит разведывательный отряд. Пусть послушают...

Накануне здесь, в полку, похоронили рядового Федора Пахомова — весельчака, запевалу роты, отца двух мальчишек, оставшихся теперь сиротами в далеком таежном поселке. Погиб он не в бою, сопровождал пленно-

го в тыл. По дороге тот попросил закурить: мол, не исключено, что в последний раз. Федор протянул ему свой кисет. Той махоркой фашист ему глаза засыпал, вырвал винтовку. С тремя штыковыми ранами в животе и груди подобрали товарищи истекающего кровью Пахомова. До медсанбата живым не донесли.

Военком дивизии В. В. Мешков после этого эпизода поделился с Лизюковым:

— Храброго, надежного солдата потеряли. Из-за чего? Был Пахомов по-русски добр, доверчив. Таких у нас немало. Пора бы им уже перестроиться на военный лад. Ведь четвертый месяц воюем. Все от мирных настроений не избавились. Не могу, Александр Ильич, простить себе такой гибели советского человека. И никогда не прощу!..

Полчаса спустя на лесной вырубке тесным полукругом у пня, на котором сидела женщина, расположились бойцы, командиры. Лизюков обратился к присутствующим:

— Очень прошу вас, товарищи, запомните все, о чем здесь будет рассказано.

— Хлебушкина Глафира я,— начала женщина.— Из Осиновки, что под Штеповкой. Вторая уж педеля идет, как под немцем оказались. Хлебнули, стало быть, соленого и горького...

Говорила она негромко, нараспев, то причитая, то всхлипывая, когда вспоминала тех, кого уже не было на свете. Сильными руками крестьянки растягивала воротник белой кофты, расшитый синими узорами. Затаив дыхание слушали собравшиеся бесхитростное повествование.

Гитлеровцы ворвались в деревеньку под утро. Сразу согнали старых и малых в пустое зернохранилище. Глафира искала на выгоне корову. Услышав крики, стрельбу, схоронилась неподалеку. Все видела: как председателя сельсовета уложили перед гусеницами танка, накры-

ли красным флагом, сброшенным с крыши правления колхоза, а потом раздавили, как оставшихся заживо сожгли в зернохранилище.

— И детей? — вырвалось у кого-то.

— Их, родимые, тоже в огонь,— продолжала Хлебушкина.— А фашисты сидели на мотоциклах вокруг амбара, смотрели на муки и смерть лютую, хохотали во все горло, хлопали в ладоши.

Минуту, другую стояла тишина. Комдив окинул взглядом людей, ожидая, когда кто-нибудь выскажется. Одни и те же чувства обуревали людьми с посуровевшими лицами. Наконец пожилой механик-водитель произнес:

— Малых ребятишек не пожалели, природы. Как только таких земля терпит? Нет теперь им от меня никакой пощады!

Эхом откликнулись возмущенные голоса:

— И от меня нет! Рассчитаемся с ними сполна! Будем драться по-гвардейски!

Это прозвучало словно клятва. Гордое, почетное звание гвардейского соединения получило недавно. 21 сентября 1941 года части, подразделения дивизии облетела радостная весть — приказ Ставки Верховного Главнокомандования: «За боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок 1-ю Московскую мотострелковую дивизию переименовать в 1-ю гвардейскую Московскую мотострелковую дивизию (командир дивизии — полковник Лизюков)».

Потрясенный трагедией деревни Осиновки, Лизюков вернулся в штабной блиндаж. Его снова обступили заботы, неотложные дела, тесно связанные с неясной, противоречивой обстановкой, сложившейся в последние дни на участке фронта, который занимала дивизия. После недавнего прорыва обороны советских войск части 48-го немецкого танкового корпуса с ходу захватили Штеповку. Куда будет направлен следующий удар?

— Товарищ гвардии полковник,— обратился к Лизюкову начальник оперативного отдела, откинув плащ-палатку, отделявшую в блиндаже угол для радиостанции,— срочное донесение от командира 6-го мотострелкового полка. Завязал бой с противником в районе Ульяновки. Фашистские танки заняли и пока удерживают Николаевку...

Сообщение еще раз подтвердило прежние опасения. Вместе с тем оно дало пищу для новых размышлений. Теперь стало совершенно ясно, что гитлеровцы рвутся по направлению к Сумам, которые прикрывает его дивизия. Привычно, быстро и четко сложились детали единого плана действий. Прежде всего усилить разведку, выделить для этого достаточно подвижный, хорошо оснащенный отряд. Его необходимо без промедлений выдвинуть навстречу приближающемуся неприятелю. Задача разведотряда: упредить гитлеровцев, нанести по ним внезапный удар в самом неожиданном для них месте — где-то за Штеповкой, тем самым создать впечатление глубокого обхода наступающих фашистских войск.

Ложный маневр? Да, именно так, одновременно с разведкой. Пусть противник примет мнимое за действительное. Что касается Николаевки, то ее непременно надо отбить у фашистов. Только опять-таки не прямолинейным давлением.

— Передайте командиру шестого полка,— приказал Лизюков.— Маневром во фланг наступающим врагам выйти к дороге западнее Николаевки. Оседлать ее. Тогда немцы сами из деревни уйдут.

Оставалась Штеповка. Как быть с ней? Крепкий орешек. Для таких собственных сил и средств может не хватить. Очень большой риск. Надо согласовать вопрос с командующим армией. Однако события на этот раз развивались стремительно.

Вскоре поступил приказ командующего 40-й армией:

соединению Лизюкова с приданным ему 1042-м стрелковым полком во взаимодействии с кавалерийской группой генерала Белова уничтожить штаповскую группировку противника, затем сосредоточиться в резерве командарма в районе Ульяновки.

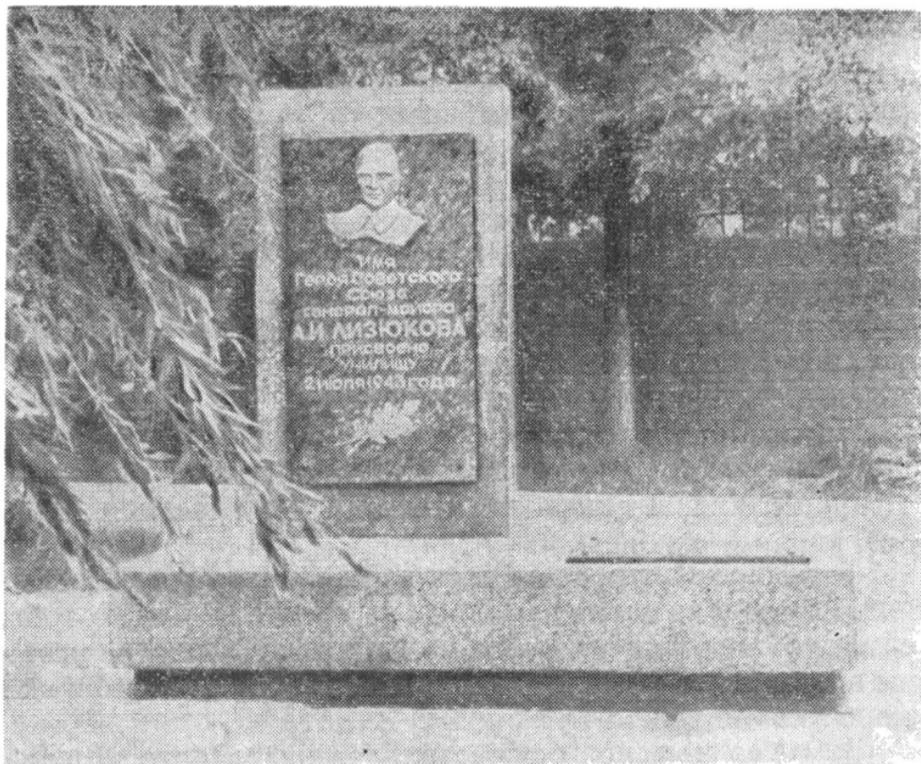
Исходя из последних данных обстановки, Александр Ильич поставил задачу командиру 175-го мотострелкового полка подполковнику П. В. Новикову: скрытно форсировать реку Сулу, совершить марш-бросок по проселкам, громя небольшие гарнизоны врага, расположенные в придорожных населенных пунктах, выйти во фланг наступающему противнику.

Павел Вениаминович в ходе обсуждения порядка выполнения задачи предложил: начать операцию во второй половине дня 1 октября. Командир согласился, добавив:

— С другой стороны будет действовать наш разведотряд. Его задача заключается в том, чтобы не только добывать необходимые сведения, но и отвлекать на себя резервы врага. Имейте в виду: общий сигнал атаки — залп «кастюш».

Замысел комдива осуществлялся настойчиво и последовательно. Неприятель совершенно не ожидал встречи с разведывательным отрядом, которым командовал капитан Шепелев. Произошло замешательство. Гитлеровцы были вынуждены в срочном порядке перестраиваться.

«Появление ночью отряда Шепелева,— писал позднее в одной из своих брошюр Александр Ильич,— непосредственно на фланге и в тылу накапливавшегося в районе Никольского противника создало у немцев впечатление, что наши части их обходят, и противник, отказавшись от своего первоначального плана наступления, стал неорганизованно, даже в панике отходить, бросив 250 автомобилей, около 100 мотоциклов, 11 орудий, минометы, радиостанции, тысячи снарядов, мин».

Гранитная плита с барельефом А. И. Лизюкова, установленная на территории Саратовского высшего военного командно-инженерного училища ракетных войск

Не успели гитлеровцы опомниться, как с другого направления загрохотала канонада. Блеклое октябрьское небо расчертили оранжево-багровые «копья» реактивных снарядов. Окрестные поля охватило пламя пожаров. Земля горела под ногами оккупантов в прямом смысле этих слов.

Подполковник П. В. Новиков сразу после завершения

артиллерийской подготовки повел свой полк в атаку. Как и требовал комдив, гвардейцы двигались непосредственно за своим огненным валом. Оглушенные, полузасыпанные землей от разрывов снарядов, мин фашисты палили из автоматов, пулеметов, других видов оружия в белый свет как в копеечку. В тесных траншеях металась серо-зеленые фигуры. Они то здесь, то там натывались на штыки и приклады советских пехотинцев, попадали под гусеницы «тридцатьчетверок» и КВ, утывживших вражескую оборону.

Штеповку гвардейцы взяли в первые же сутки наступления, глубокой ночью. На рассвете 3 октября передовые подразделения 175-го полка завязали бой за Аполлоновку. Ее полностью очистили от врага уже в сумерках.

28-я механизированная дивизия противника оставила на поле сражения 28 танков, более 350 различных грузовых и легковых машин, десятки пулеметов, большое количество другой техники, вооружения, боеприпасов, продовольствия, снаряжения, значительные запасы горючего, смазочных материалов.

Такого удара гитлеровцы явно не ожидали. Возникла паника. Они откатывались в полном беспорядке, некоторые, не успев бежать, пытались схорониться на огородах и в подвалах.

Оправдываясь перед начальством за свой конфуз, офицеры 28-й дивизии утверждали: «У русских появилась какая-то новая часть. Это сумасшедшие люди, фанатики. Таких мы еще не видели...»

На карте данного района действий, использованной в ту пору генералом Гудерианом, Штеповку обвивает острая стрелка, от которой на запад отскочила другая, изображенная ломким пунктиром. Что бы это значило? Туманно поясняя условные знаки, Гудериан признается: «Генерал Кемпф доложил мне, что в районе Штеповки русские неожиданно атаковали своими тяжелыми танка-

ми. Это была очень неприятная потеря. Для того чтобы восстановить положение, пришлось еще раз повернуть обратно некоторые подразделения 9-й танковой дивизии».

Все чаще лизюковцы заставляли захватчиков останавливаться, поворачивать обратно, используя очередной, неожиданный для противника прием. На проселках перед фашистами появлялись лесные завалы, начиненные минами. Среди равнины вырастали пояса валов из соломы, сена. Облитые горючим, эти валы вспыхивали перед машинами. Рядом опять-таки было минное поле, к которому без саперов не подступишься. Широко практиковались почные налеты на заранее намеченные объекты в ближайшем тылу врага: громили штабы частей, подразделений, уничтожали средства связи, склады с боеприпасами, продовольствием.

Неприятным «сюрпризом» для гитлеровцев являлись углубленные окопы с нишами, укрывавшими бойцов от бомбежек и артобстрела. Александр Ильич всячески поддерживал инициаторов таких нехитрых сооружений для индивидуальной защиты, заботился о том, чтобы весь личный состав владел малыми саперными лопатами, умел в ограниченный срок создать надежное, прочное убежище. Причем не только с целью прятаться там, но и для того, чтобы делать обороняемый рубеж неприступным.

В районе Березовки гитлеровцы четыре часа непрерывно бомбили, обстреливали из пушек и минометов позиции гвардейцев. От густого леса остались обгорелые, расщепленные стволы. Заснеженные высотки были буквально перепаханы взрывами. Кажется, все живое на них стерто в порошок.

Фашистские танки, бронетранспортеры устремились вперед с открытыми люками, в которых без опасений красовались офицеры, командиры машин. И вдруг из-под земли, из тех самых окопов, по ним полоснули автомат-

ные, пулеметные очереди, под гусеницами загрохотали взрывы гранат, в люки полетели бутылки с зажигательной смесью. Лизюковцы дали фашистам такой отпор, что они несколько дней приводили себя в порядок.

Каждый бой обогащал комдива опытом. Он не терял времени даром. Еще с гражданской войны у него сложилось правило, которое всегда старался неукоснительно выполнять: взыскательно анализировать успехи и неудачи в боевой практике, вникать в детали действий личного состава, беспристрастно разбираться в собственных промахах, упущениях, делать выводы на будущее. И сейчас, когда дивизию вывели в резерв, Александр Ильич пользовался короткой передышкой.

Что значит воевать по-гвардейски? Какими качествами должны обладать удостоенные почетного звания воины, чтобы его на деле оправдывать? Как такие качества формировать у личного состава в огне сражений, в ходе боевой и политической подготовки? Вопросы, вопросы, вопросы... Они не давали командиру покоя.

В редкие часы досуга, если таковые можно себе представить у руководителя соединения, выведенного на пополнение и отдых, Лизюков продолжал литературную работу, делал наброски своих выступлений в печати, перед командирами подразделений, работниками штабов. У него на столе лежали письма из редакций газеты «Красная звезда», военных журналов с просьбой прислать по старой памяти материалы для публикации. По почтам он часто бодрствовал над рукописями, которым суждено было в начале 1942 года стать серией брошюр цикла «Из боевого опыта фронтовика».

Трудно переоценить практическое значение этих книжек, свободно умещавшихся в полевой сумке. Они наполнены поучительными эпизодами, построены в форме увлекательной беседы. Их язык не только точен, лаконичен, но и ярок, образен. Главная ценность заключалась

в том, что боец, командир, читая их, учился бить врага паверняка.

Именно тогда родились и первые размышления о советской гвардии. Александр Ильич писал: «Когда мы проносим слово «гвардия», перед нашим мысленным взором встает непоколебимая воинская сила, не знающая преград и поражений». Это было написано о Московской Пролетарской дивизии.

В вооруженной борьбе, даже такой, как насыщенная техникой Великая Отечественная война, Лизюков на первое место ставил человека, подлинного творца побед на земле, в небе и на море. Этот человек должен быть закален по-особому. «Войны прошлого,— подчеркивал Александр Ильич,— требовали минутного порыва, ослепительной, но короткой, как удар молнии, вспышки отваги, теперь же нужен постоянно действующий героизм, неиссякаемое упорство, идущее из сердца волна за волной, непроходящие стойкость и твердость, равные граниту».

Выковать такие черты у вчерашнего рабочего, колхозника, интеллигента, довести их до необходимой крепости не просто. С горячей заинтересованностью делился командир своими соображениями о том, как преодолеть настроения мирных дней, каким образом в исключительно сжатые сроки научить человека бороться с танками, самолетами противника, противостоять грозной технике врага, истреблять ее своими руками. Это не просто слова. Гвардейцы доказали, что они способны останавливать брошированные лавины нашествия.

Так было и под Наро-Фоминском, куда в срочном порядке направили 1-ю Московскую мотострелковую дивизию. Город переходил из рук в руки по несколько раз в сутки. Линия обороны противоборствующих сторон колебалась подобно маятнику. Казалось, наступил предел человеческим возможностям. Тогда командование и по-

литотдел соединения прибегли к самому испытанному средству — призывному партийному слову. В полки направили листовки.

«Поклянемся перед партией, Советским правительством,— говорилось в одной из них,— что всю нашу ненависть к врагу, силу, мощь оружия обрушим на головы фашистов. Москва — это сердце нашей Родины, и если будет нужно, то каждый из нас отдаст свою жизнь за наш любимый город».

Дивизия Лизюкова преградила путь врагу на восток. Александр Ильич дальновидно поступил, выдвинув танковый полк на левый берег реки Нары. Это был своевременный и точный маневр. Почувствовав реальную угрозу окружения, гитлеровцы остановились.

28 октября танкисты под руководством Балояна тараном рассекли позиции фашистов, пробились до самой западной окраины города. Они почти без потерь вернулись обратно. Вскоре положение на данном участке фронта стабилизировалось.

Оценивая действия гвардейцев, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков подчеркнул: «Серьезно осложнилась обстановка в районе Наро-Фоминска... Быть бы беде, но в этот опасный момент подошла из резерва Ставки 1-я Московская гвардейская мотострелковая дивизия под командованием полковника Героя Советского Союза А. И. Лизюкова. Эта дивизия была усилена 5-й танковой бригадой подполковника М. Г. Сахно... 1-я Московская гвардейская дивизия отбросила прорвавшиеся части противника за реку Нару и прочно закрепила Наро-Фоминский участок».

Гитлеровцы в полной мере ощутили на себе мощь гвардейских ударов этой дивизии. Вот характерные признания пленного унтер-офицера. Он в присутствии комдива утверждал, что против них действуют не менее четырех советских дивизий.

— Какие же? — по-немецки уточнил Александр Ильич.

— Первая Московская, первая танковая, первая гвардейская Краснознаменная и еще первая мотострелковая, — пунктуально по пальцам пересчитал унтер-офицер.

«НЕПРЕМЕННО ДОЙДЕМ ДО БЕРЛИНА!»

В ожесточенных боях, ломая сопротивление врага, наши войска на всех направлениях ведут наступление. Удары могучей Красной Армии по врагу становятся все более мощными и решительными. Враг получил глубокие раны, но он еще не добит, он пытается огрызаться. Мы не дадим ему передышки.

Из книги А. И. Лизюкова «Что надо знать воину Красной Армии о боевых приемах немцев»

Войдя в просторный штабной блиндаж, подполковник Н. Балоян представился:

— Командир 175-го мотострелкового полка по вашему приказанию прибыл!

Лизюков пожал ему руку и развернул на столе карту, давая возможность комполка освоиться с нанесенной на ней обстановкой. Так Александр Ильич поступал всегда при постановке новой сложной, ответственной задачи, имея дело с подполковником Новиковым, которого недавно сменил Балоян.

Новый командир был одним из лучших офицеров штаба соединения, начальником разведки. Его считали образцом личной отваги, мастером на выдумку хитрейших ловушек для гитлеровцев. В нем удачно сочетались порыв и железная выдержка.

В одном из предыдущих боев он уже заменял выведенного из строя командира 6-го стрелкового полка. Сложилась кризисная ситуация. В тылу части внезапно по-

явились немецкие автоматчики. Они ударили во фланг подразделений, где было много еще не обстрелянных бойцов. Люди дрогнули.

Тогда перед воинами встал во весь рост подполковник Балоян. Поднялся под свинцовым ливнем невозмутимый, улыбающийся. Вскинул руку над головой и зычно крикнул: «Ребята, неужели автоматчиков испугались? Кто больше всех боится, давайте ко мне, сюда под плащ-палатку. Укрою не хуже брони!» Вокруг свистели пули, но офицер стоял цел-невредим и ободряюще улыбался, вызывая у новобранцев чувство стыда за их смятение, внушая простую мысль о том, что не так страшен черт, каким он показался.

Через несколько минут Балоян так же спокойно развернул собравшихся возле него бойцов в цепь и лично повел их короткими перебежками на врага. Положение восстановили...

Подполковник приблизился к столу, наклонился над картой, протянул руку туда, где был обозначен выступ вражеской обороны на нашем берегу Нары.

— Да,— подтвердил его догадку Александр Ильич.— Этот конопеловский плацдарм мешает, угрожает нам. Есть приказ его ликвидировать.

Деревню Конопеловку противник занял почти месяц назад, тщательно укрепил ее: дома превратил в доты, дзоты, подступы к ним начинил минами, опутал околицу колючей проволокой. На противоположном берегу сосредоточил мобильные резервы. Фашистам Конопеловка была пужна не только для настоящего. Отсюда им продолжала мерещиться Москва, конец всей восточной кампании.

Для советских войск на этом участке фронта устранение плацдарма — залог успешного наступления. Как это сделает подполковник Балоян?

— Задачу решить по-гвардейски,— подчеркнул ком-

див.— К 9 часам утра 23 ноября доложите. Используйте опыт, добытый под Борисовом, на Соловьевской переправе: бейте не числом, а умением.

Что конкретно имелось в виду, полковник не уточнил. Пусть офицер сам выберет пути и средства достижения поставленной цели.

Командир полка не мешкал. Едва сгустились сумерки, на позиции фашистов обрушился град снарядов. Затем шквал огня перенесли за Нару, на резервы противника. В лощинах, перелесках, расположенных поближе к переднему краю, разом загудели двигатели танков, самоходок.

Вражеская оборона ошетичилась выстрелами, хотя с нашей стороны доносился лишь гул моторов. Нервы гитлеровцев не выдержали. Одновременно стреляли все, кто мог. Артиллерийские разведчики полка Балояна усердно засекали цели, по которым пушки ударили во второй раз после ложной танковой атаки.

Когда батареи смолкли, грянуло «ура!». Такое дружное, громкое, что уцелевшие гитлеровцы опять бросились к пулеметам, пушкам. Теперь они били по подозрительным теням от деревьев, овинов, бугров — по всему, что можно было принять за приближающихся советских воинов. Между тем из наших траншей никто не выдвигался вперед. Постепенно стрельба прекратилась. Глубокая тишина окутала окрестность. Она успокоила переполошившихся немцев: мол, теперь русским не до наступления, можно обогреться, прикорнуть.

Именно в тот момент цепи одетых в белые маскхалаты бойцов двинулись к фашистскому переднему краю...

— Товарищ первый, докладывает пятый,— услышал Александр Ильич по телефону знакомый радостный голос Балояна.— Плацдарм в наших руках!

На светящемся циферблате часов комдива стрелки показывали десять минут шестого. До девяти еще было

время, чтобы подсчитать трофеи. Конопеловку взяли без потерь.

Спустя много лет в одном из своих выступлений Н. Баляин скажет: «Три месяца командовал Александр Ильич Лизюков Московской дивизией, а добрую память о себе оставил на долгие годы». Такие слова и сейчас можно услышать от сотен ветеранов, знавших, встречавшихся с Лизюковым. Он обладал удивительным «магнетизмом», притягивал к себе окружающих, умел пробуждать в людях лучшие качества, о которых они порой сами не догадывались, заражать своим вдохновением, неистребимой жизнестойкостью.

В последние ноябрьские дни сорок первого года на северных подступах к столице возникла реальная угроза. Срочно была создана оперативная группа, которой поставили задачу — прикрыть рубеж Хлебниково, Черкизово. Нужен волевой, решительный командир, обладающий большим фронтовым опытом. При обсуждении кандидатур первым назвали полковника Лизюкова.

Прибыв к новому месту назначения 27 ноября, Александр Ильич сразу проявил качества незаурядного организатора: почти круглые сутки он принимал, пополнял, доформировывал прибывающие бригады, полки, батальоны. Новорожденное соединение в считанные дни обрело стройную структуру. И не случайно Генеральный штаб принял решение: оперативную группу Лизюкова развернуть в 20-ю армию. Его назначили заместителем командарма.

Поступил приказ: нанести контрудар в направлении Солнечногорска. Чуть больше недели было в распоряжении Александра Ильича. От темна до темна находился он в войсках. Лишь после полуночи, потирая закоченевшие руки над печуркой, разбирал поступившие за день документы, корреспонденцию. Очень обрадовался коротенькому письму от младшего брата. «Пришлось под Ки-

евом выходить из окружения,— сообщал Петр,— жив, здоров. Вместе со своими артиллеристами даем прикурить проклятым фашистам». Спрашивал: нет ли вестей от старшего брата. Ничем порадовать его не мог Александр Ильич. От Евгения вестей не было.

В те дни на стол заместителю командарма положили листовку геббельсовского ведомства. Почти вся она посвящалась брошюре Лизюкова «Что надо знать воину Красной Армии о боевых приемах немцев». Автора кляли на чем свет стоит. Листовку передали Александру Ильичу. Первое его желание было выбросить бумажку в печурку. Потом он, тихонько рассмеявшись, разглядел листок и на обратной его стороне написал письмо к жене: «Дорогая Тосенька! Сохрани для истории и для памяти эту листовку врагов. Я горжусь, что так насолил фашистам. Это же они не книгу ругают, а бесятся от поражений, которые наносит им наша гвардия». Далее, перефразировав некрасовские стихи, добавил:

«Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья!»

12 декабря соединения и части под командованием Лизюкова освободили Солнечногорск. Наступление на запад продолжалось.

10 января 1942 года Александру Ильичу было присвоено звание генерал-майора с назначением командиром 2-го гвардейского стрелкового корпуса. Полки, бригады, дивизии, тысячи и тысячи людей, множество грозной техники, вооружения — все это сосредоточено в его руках. И все нужно привести в действие для одной цели — победы. Он ощутил огромную тяжесть ответственности в своем новом положении. Вместе с тем к нему пришли нарастающая волна энергии, страстное желание не подвести тех, кто доверял ему, кто надеялся на него. Опять,

словно в дни молодости, в душе включился неведомый источник сил, тот самый, из которого черпай не вычерпашь до дна. Напротив, сил становится все больше и больше.

В январе и феврале 1942 года 2-й гвардейский стрелковый корпус не выходил из пламени сражений. В боевой характеристике его командира тех дней сказано: «Соединения корпуса ведут непрерывные бои с противником, пытающимся прорваться к Холму и, несмотря на значительные потери в личном составе, не теряют боеспособности. Оперативно-тактические решения тов. Лизюкова обоснованны и целесообразны. Волевой, энергичный и требовательный командир».

С тонким расчетом, дальним, совершенно неожиданным для фашистов прицелом разработал комкор вместе со штабом марш-маневр от Старой Руссы до Холма. План предусматривал организацию непрерывных переходов-бросков как ночью, так и днем под покровом лесов. Всячески поощряя смелость, инициативу, Лизюков предохранял подчиненных командиров от необдуманных шагов. Не раз и не два говорил командирам частей и подразделений:

— Мы нередко допускаем ошибку, пытаюсь оборону противника взять с маху, движением в лоб, без предварительной разведки и артиллерийской подготовки. Ни шагу без разведки в бою! Она должна осуществляться непрерывно в любой обстановке.

Нередко генерал лично изучал полученные данные о противнике, присутствовал на допросах «языков» и сдавшихся в плен. Однажды в штаб доставили немецкого штабного офицера. Атлетического сложения старшина старательно приводил в чувство промерзшего до костей гитлеровца. В этот момент в штаб вернулся Лизюков.

— Товарищ генерал...— виновато начал докладывать старшина и запнулся. Потом, изумленно округлив глаза,

добавил сдавленным от волнения голосом: — Не узнаете?.. Это же я...

— Пенежко! — добавил вместо него Александр Ильич и обнял разведчика. — Сколько лет, Иван Васильевич, сколько зим!

— С того самого двадцать первого года. Чудеса да и только! — откликнулся бывший командир орудия с бронепоезда «Коммунар». — Вот я «подарочек» приволок. Не опоздал к 23 февраля. Как когда-то было заведено у «красных броневиков», помните?

Когда «язык» немного отогрелся, он, не ожидая вопросов, заговорил:

— Лейтенант Курт В., помощник начальника оперативного отдела штаба пехотной дивизии...

— Постойте, — прервал его генерал. — Курт В. Что-то знакомое. Вы откуда родом?

— Из Гослара.

— Ваши родственники служили в кайзеровской армии?

— Так точно. Фельдфебель Отто В. не вернулся из России.

— Что значит не вернулся?

— Убит. Последнее письмо получили из Белоруссии.

— Из Гомеля?

— Так точно...

Обращаясь к Пенежко, комкор напомнил ему давний эпизод с броневиком и фельдфебелем, от которого у Ильи Устиновича тогда остались портрет Фридриха Второго с хвастливой надписью и письмо со стихами Гейне, предостерегающими немцев от замашек Наполеона.

— Вы кем же ему доводиться? — поинтересовался у фашиста разведчик.

— Сын.

— Знавал я его папашу, — заметил Пенежко. — Длин-

порукий был подлец. Сделал я ему укорот, да не насовсем. Не прислушался к умному совету — забыть дорогу в Россию. А как этот?

Александр Ильич повторил вопрос по-немецки. Младший В. заспешил с оправданиями:

— Всем родным и близким, внукам и правнукам закажу дорогу в Россию.

Лейтенант был одет в почти новенькую парадную форму. Позванивал крестами и медалями. Оказалось, что его, как отличившегося в Польше, Франции и на Кипре, приделали при подготовке к параду на Красной площади. Переодеть успели, а с взятием Москвы получилась осечка. С тех пор третий месяц кандидат в парадный расчет бегал от наступающих советских частей то туда, то сюда. Заканчивая допрос, комкор сказал от имени всех присутствующих:

— Не видать вам Москвы как своих ушей, а мы еще будем в Берлине!

В тот день, оставшись наедине с Пенежкой, Лизюков выполнил волю Николая, поведал Ивану о героической гибели брата, передал ему орден Красной Звезды. На том земляки расстались.

Неделю спустя отважный разведчик погиб в поиске.

2-й гвардейский корпус упредил войска противника, наглухо захлопнул соединения и части врага в Демянском котле. Газета «Красная звезда» по этому поводу сообщала: «Гвардейцы соединения, которым командует генерал Лизюков, нанесли по немцам ряд ударов и тем самым обеспечили маневр других наших частей, содействовали окружению крупной вражеской группировки, которая сейчас находится в катастрофическом положении. За десять дней боев гвардейцы истребили до 8 тысяч фашистов, захватили 575 пленных».

Следует дополнить, что к 24-й годовщине Красной Армии корпус Лизюкова с боями прошел более 200 километ-

ров, освободил 300 населенных пунктов, разгромил части трех дивизий противника.

В Ставке Верховного Главнокомандования заметили инициативного, грамотного и смелого генерала. Ему поручили сформировать 2-й танковый корпус из четырех создаваемых в тот период. С ответственной задачей Александр Ильич справился успешно. Вот что об этом пишет в своих воспоминаниях Е. Ф. Ивановский: «Наш 2-й танковый корпус к началу апреля 1942 года принял все формы воинского соединения... Напряженно работал штаб, проводились занятия по слаживанию частей, готовилась и проверялась техника. Командир корпуса Герой Советского Союза генерал-майор А. И. Лизюков проявил себя с первых дней строгим и требовательным. Его появление где-нибудь на учебном поле или в казарме заставляло всех подтягиваться».

Военная судьба вернула Александра Ильича к его призванию танкиста, к мощному рокоту моторов, к знакомому запаху солярки, к дорогим его горячему сердцу витязям в темных комбинезонах и шлемах. Здравствуй, разящая сталь Родины! Твоим могучим плечам стало тесно в прежних формированиях. Полки, бригады, дивизии должны превратиться в более крупные соединения. Для недалеких наступательных сражений нужны танковые корпуса, армии, дробящие и рассекающие вражескую оборону на всю ее глубину.

У колыбели их партия ставила людей особого склада. Задачу по формированию порученного ему соединения Александр Ильич вместе со штабом, политотделом, коммунистами, комсомольцами завершил в исключительно короткий срок. Это в определенной степени обусловило еще более сложный и совершенно новый в практике советского военного строительства этап — на основе корпуса создать 5-ю танковую армию, командующим которой Ставка утвердила генерала Лизюкова.

Должность особого рода. Раньше подобной не существовало. Вот что пишет о ней С. М. Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы войны»: «На должности командующих танковыми армиями подбирали наиболее одаренных, смелых и решительных генералов, которые были способны взять на себя всю полноту ответственности за свои действия и не оглядываться назад. Только такие люди могли решать задачи, возлагавшиеся на танковые армии».

Именно на такую высокую ступень подняла военная судьба Александра Ильича Лизюкова.

Шло второе лето войны. В Ефремов, где формировалась армия, прибывали молодые офицеры. В одной из таких групп командующий встретил сына. После окончания училища Юрий получил сюда назначение. Обнялись и расстались, ибо дни выдались исключительно горячие. Приближались грозные события. 5-я танковая армия выдвигалась на Брянский фронт.

Здесь сложилась очень непростая обстановка. В ходе непрекращающихся боев противнику удалось выйти к Дону. Направляя главный натиск на юго-восток, он частью сил наносил удар вдоль западного берега реки на север. Стало очевидным, что гитлеровцы намереваются расширить прорыв. Этому противодействовали войска Брянского фронта — 13-я и 5-я танковая армии, стойко оборонявшие занятые рубежи.

По первоначальному замыслу Ставки намечалось нанести контрудар. Эта операция, к сожалению, не получила наименования в исторической литературе. Однако нельзя не отдать должное точности и смелости ее замысла. Он заключался в том, что 5-я танковая армия, получившая в пополнение 7-й танковый корпус, при поддержке уже поредевших 1-го и 16-го танковых корпусов должна была нанести удар в общем направлении на юг по северному флангу группы армий «Вейхс», перерезать ее ком-

муникации, сорвать переправу противника через Дон, выйти в его тыл, тем самым помочь вырваться из окружения дивизиям нашей 40-й армии.

События развивались иначе. Противнику удалось обнаружить на открытой, равнинной местности выдвижение 5-й танковой армии на исходные рубежи. Он спешно стянул сюда пять дивизий, противотанковую артиллерию, большое количество самолетов.

На наступающие советские войска обрушился шквал снарядов, мин, бомб. Танкисты упорно стремились вперед, но темп продвижения становился все медленнее.

Командарм не покидал мощного КВ, личным примером воодушевлял подчиненных, твердо управлял частями и соединениями. Но обстановка все ухудшалась. Танкисты несли неоправданные потери.

Александр Ильич неоднократно обращался к командованию фронтом:

— Обеспечьте авиационное прикрытие и артиллерийскую поддержку!

Ответ пришел совершенно неожиданный: приказано 5-ю танковую армию расформировать, генерала Лизюкова назначить командиром 2-го танкового корпуса. Телеграмма в Ставку, лично Сталину, с просьбой временно приостановить расформирование, разобраться, проверить ход операции на месте осталась без ответа.

Сражение под Воронежем продолжалось. Комкор не выходил из самого пекла боев. Исключительно опасная ситуация сложилась 25 июля у села Сухая Верейка. Здесь фашистам удалось окружить часть корпуса. Чтобы выручить ее, генерал сам повел в атаку танкистов.

«С волнением следил я со своего КП за этой атакой,— писал в своих воспоминаниях маршал бронетанковых войск М. Е. Катуков.— Танк, в котором находился Лизю-

ков, вырвался далеко вперед. Но вдруг он словно споткнулся о невидимую преграду... Машина Лизюкова была подбита прямым попаданием бронебойной болванки». Комкор приказал экипажу покинуть машину. Сам выбрался из люка последним. В этот момент рядом разорвался снаряд... «С болью в сердце,— заключает Катюков,— похоронили мы отважного генерала...»

А как же мечта командарма — дойти до Берлина? Сорвалась с багрового неба звездочка военного таланта, да не погасла. Вспыхнула, разгорелась ярким огнем в сердцах однополчан, которые донесли лизюковскую жажду победы до самого логова фашистского рейха. Утолили ее надписями на колоннах и стенах рейхстага, а добрую славу понесли дальше в мирные дни, передавая эстафету доблести в надежные молодые руки.

«МЫ — ЛИЗЮКОВЦЫ!..»

Мне кажется, он подымается снова,
Мне кажется, жесткий сомкнутый рот
Разжался, чтоб крикнуть последнее слово,
Последнее гневное слово — вперед!
Пусть каждый, как найденную подкову,
Себе это слово на счастье берет.
Суровое слово, веселое слово,
Единственно верное слово — вперед!

Константин Симонов

Поезд Москва — Брест плавно тронулся, когда в дверь купе деликатно постучали и только после моего повторного «пожалуйста» она открылась. На пороге один за другим появились попутчики — трое молодых офицеров, лейтенантов. Видимо, это были недавние выпускники, ибо все на них сияло новизной. Форма как с иголки: поскрипывали сапоги, начищенные до зеркального блеска, сверкали погоны, пуговицы, козырьки фуражек, на-

грудные знаки классных специалистов, спортсменов-разрядников.

Вместе с ними купе заполнило свежим степным ветром, неистраченной юной энергией, голосами, привычками к зычным командам на просторе позиций, полигона, строевого плаца. Знакомясь со мной, каждый, еще по курсантской привычке, называл себя по имени:

— Евгений!

— Александр!

— Петр!

Отчества не упомянул ни один, но и фамильярного: «Женя, Саша, Петя», не произнес никто. Очень разные внешне, по характеру, манере поведения, они в то же время воплощали в себе какое-то удивительное родство. Поначалу даже подумалось: «Братья». Когда за неторопливым дорожным чаем разговорились, мое предположение вызвало у попутчиков задорный, весьма долгий смех.

— Братья? — переспросил, успокаиваясь от общего веселья, Евгений.— Никак нет, мы совершенные разнофамильцы и даже не земляки. А вот что касается семьи, то тут вы угадали. Мы из одного гнезда. Мало того, одну специальность выбрали и призвание у нас одно — защищать Родину!

— Просто мы — лизюковцы, — добавил Александр.

Так я познакомился с выпускниками Саратовского высшего военного командно-инженерного Краснознаменного ордена Красной Звезды училища ракетных войск имени Героя Советского Союза генерал-майора А. И. Лизюкова. Нельзя было не любоваться молодецкой статью, крепостью здоровья, культурой общения лейтенантов. Они свободно и очень глубоко вели беседы о последних событиях в стране и за рубежом, о достижениях науки и техники, о произведениях литературы, искусства. Держались просто, скромно, но с достоинством интеллигентных людей.

И было очень жаль, когда спустя несколько часов проводник напомнил:

— Товарищи офицеры, следующая остановка ваша.

— Раз наша, тогда, друзья, вперед! — засобирался первым Евгений.

— Только вперед! И никуда иначе! — эхом откликнулись два других голоса.

Они ушли, оставив свое гордое: «Мы — лизюковцы!», которое звучало и буднично, и торжественно, чем-то напоминая слова, вошедшие в нашу жизнь, в историю социалистического государства, ставшие девизами патриотизма и доблести: «Мы — чапаевцы!», «Мы — стахановцы!», «Мы — панфиловцы!»...

Более сорока лет миновало с тех пор, когда одному из старейших (основанному в 1918 году) военно-учебных заведений Советских Вооруженных Сил — 1-му Саратовскому Краснознаменному танковому училищу 2 июля 1943 года указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено имя прославленного командарма. Дружный, сплоченный коллектив преподавателей, командиров, политработников, курсантов свято хранит революционные, боевые и трудовые традиции, бережет и приумножает честь и славу, добытые в пламени сражений, в напряженных буднях мирной учебы, подготовки высококвалифицированных кадров для Советских Вооруженных Сил.

Личному составу известного в стране училища есть чем гордиться.

— Наши выпускники, — рассказывал начальник училища генерал-майор В. Б. Родионов, — сражались на многих фронтах Великой Отечественной войны. За мужество и отвагу, проявленные в боях, тысячи его воспитанников награждены орденами и медалями, 97 человек удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе дважды отмечены медалью «Золотая Звезда» Маршал Советского

Союза Н. И. Крылов и генерал-полковник Д. А. Драгунский...

Василий Борисович, словно листая страницы истории училища, поведал о том, как коммунисты и комсомольцы берегут память доблестных патриотов-фронтовиков, воспитывают у новых поколений курсантов лучшие черты наших современников: беззаветную преданность делу Коммунистической партии, честность, трудолюбие, развивают качества, необходимые офицеру-ракетчику, такие, как компетентность, организаторские способности, несгибаемая воля, решительность, умение всегда найти дорогу к сердцу своих подчиненных, добиваться самых высоких показателей в боевой подготовке, в поддержании боевой готовности на современном уровне.

В училище создан мемориальный комплекс — подлинный ансамбль впечатляющих скульптурных памятников из гранита, мрамора, изваянных знатоками своего дела. Вот уже более десяти лет ежегодно 9 мая и 2 июля (день рождения училища) под монументальные плиты закладываются капсулы с землей, взятой с мест, где сражались питомцы прославленного военно-учебного заведения. Вот некоторые адреса, откуда доставлены капсулы: Наро-Фоминск, Мамаев курган, Брестская крепость, Холм Славы (город Львов), Прохоровка.

Есть здесь и реликвии послевоенной славы. Под кронами деревьев поднялась стела «Горящий колос». Она воздвигнута в честь капитана Н. М. Кузнецова, погибшего в 1981 году. Офицер отдал жизнь, спасая во время пожара народное добро — бескрайнее поле пшеницы совхоза «Гигант» Ростовской области. За этот подвиг он посмертно награжден орденом Красной Звезды. Поселок совхоза и поле, на котором произошла схватка с огнем, носят имя героя.

Несколько лет назад в ознаменование 40-летия награждения училища орденом Красной Звезды и присвое-

ния ему имени Героя Советского Союза генерал-майора А. И. Лизюкова состоялась торжественная церемония открытия мемориальной гранитной плиты в честь командарма с его бронзовым барельефом. Под плиту, утопающую в цветах, опустили капсулу с землей, взятой на братской могиле в районе села Сухая Верейка, где летом 1942 года принял свой последний бой Александр Ильич Лизюков.

«Мы — лизюковцы!» Эти слова как пароль доблести и славы можно услышать не только от выпускников Саратовского училища. Их с гордостью произносят труженники моря, рабочие одной из бригад Гомельского радиозавода, учащиеся школы № 36 города Гомеля, члены ташкентского клуба юных красных следопытов «Звезды не гаснут»...

Не может не вызывать чувства глубокого восхищения устойчивый характер благородной привязанности советских людей от мала до велика к героическим деяниям, их стремление к непременно повторению подвигов прошлого в настоящем, в иной, мирной обстановке, но с одинаковым горячим порывом, когда энергия замысла сразу превращается в энергию поступка.

Став на трудовую вахту в честь 40-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, коммунисты, комсомольцы, все труженники одного из цехов Гомельского радиозавода взяли на себя обязательство дать стране сверхплановой продукции на сумму более 397 тысяч рублей. Слово свое лизюковцы-радиомонтажники сдержали. При этом особенно отличились молодежные бригады Л. И. Смолехи и В. П. Кравченко, которые перекрыли обязательства почти в полтора раза.

Свыше 4 тысяч километров проехали и прошагали красные следопыты ташкентского юношеского клуба с символическим названием «Звезды не гаснут» для того, чтобы восстановить в народной памяти имена еще неиз-

вестных отважных фронтовиков, известить об их судьбе родных, близких, написать стихи, песни, создать историю небольших подразделений (взводов, эскадрилий, рот, батарей), отличившихся в огне сражений за честь и независимость Родины.

Вместе со своим замечательным наставником В. Н. Мясниковой пытливые следопыты побывали и у своих белорусских юных друзей в Гомеле. Цель одна — перенять у них опыт, родившийся во время создания военно-патриотического музея имени братьев Лизюковых. Одновременно обмениваться бесценными реликвиями. Приведу для примера лишь одну из многих.

Это письмо полковника в отставке П. П. Пучкова из города Симферополя. Еще догорало пламя гражданской войны, когда он, 14-летний подросток, пошел добровольцем в Красную Армию, начал службу на бронепоезде № 164, которым тогда командовал А. И. Лизюков. Стальная крепость на рельсах дислоцировалась в Забайкалье, в районе станции Оловянная.

«Я хорошо не помню своего отца, — писал Петр Павлович, — так как мне было 12 лет, когда он умер от голода, вслед за ним умерла и мать. И я оказался на улице беспризорником.

Отцом мне стал командир бронепоезда Александр Ильич Лизюков, который зачислил меня, бездомного мальчишку, в личный состав команды, и я стал полноправным членом славной боевой семьи красноармейцев.

Много памятных событий сохранилось от тех дней. Два из них имеют для меня особое значение. 21 января 1924 года, в день смерти В. И. Ленина, по рекомендации Лизюкова меня приняли в комсомол. Произошло это неподалеку от Читы, на станции Антипиха.

26 января того же года, когда в Москве хоронили В. И. Ленина, Александр Ильич приказал дать траурный залп из гаубиц бронепоезда и поставил меня, одного из

первых комсомольцев команды, к орудию. Трижды мне пришлось дергать боевой шнур гаубицы, слушать грохот залпа скорби, от которого, казалось, застонала дремучая, вековая тайга, содрогнулись хмурые сопки.

До последнего вдоха и удара своего сердца я буду помнить нашего командира — прекрасного человека и коммуниста».

Под этими искренними, проникновенными словами могли бы подписаться сотни и даже тысячи людей, знавших командарма 5-й танковой армии, его братьев.

В семье сельского учителя Ильи Устиновича Лизюкова выросло три сына — три настоящих гражданина Страны Советов. Вот что по этому поводу написал Маршал Советского Союза А. М. Василевский:

«Нельзя не преклоняться перед этой семьей.

Она дала Отчизне двух Героев Советского Союза. Одним из первых, получивших это звание в начальный период войны, был Александр Ильич Лизюков. Он командовал танковой армией и героически погиб, находясь в разгар боя в передовых подразделениях своих бригад.

Этого высокого звания был удостоен и его брат полковник Петр Ильич Лизюков — командир 46-й истребительно-противотанковой артиллерийской Ленинградской бригады, сражавшейся в составе 3-го Белорусского фронта, которым я тогда командовал.

Отдал жизнь за Родину и третий брат — Евгений Ильич Лизюков, командир партизанского отряда Минского партизанского соединения.

Три брата, три героических защитника нашей Родины!

Это ли не пример патриотизма советских людей!»

— Мы — лизюковцы, — напоминает команде капитандиректор рыболовецкого траулера «Петр Лизюков» В. М. Веняцкий, когда становится очень трудно добы-

вать «живое серебро» на неоглядных просторах Мирового океана. Работа здесь — постоянный экзамен на прочность. Леденящая стужа полярных широт, промозглые, непроницаемые туманы, нестерпимая жара тропиков, буйные ураганы «роковых сороковых» испытывают каждого члена экипажа. И все это вдали от родных берегов, когда морская работа требует от человека полной самоотдачи.

Коммунисты и комсомольцы траулера в редкие часы, свободные от лова, вахт, рассказывают экипажу о славных свершениях советского народа, о тех, кто не щадил себя во имя торжества светлых идеалов коммунизма. Молодые рыбаки часто спрашивают о подвигах П. И. Лизюкова, его братьев. И тогда один из ветеранов коллектива неспешно ведет беседу, показывает копии документов, фотографии, письма родных и близких героя, однополчан, красных следопытов.

Волнующие до глубины души реликвии. Вот строки из наградного листа: «30 января 1945 года юго-восточнее Кенигсберга противник контратаковал танками и пехотой наши передовые части, и Петр Лизюков, будучи непосредственно в боевых порядках, пал смертью храбрых».

Есть на судне и другие дорогие документы. Регулярно почта доставляет письма от учащихся школы № 36 города Гомеля. Пионеры делятся своими мечтами, задумками о выборе профессии, поиске призвания, рассказывают о наиболее значительных событиях в жизни школы. В одной из таких весточек они поделились радостью: в школу приехала долгожданная гостья — дочь П. И. Лизюкова Цезария Петровна. Она с большим интересом познакомилась с музеем боевой славы, сообщила новые подробности о своем отце, поблагодарила педагогов, учеников за их патриотический, благородный труд по сохранению памяти о тех, кто сражался за Родину.

— Мы — лизюковцы! — говорят ветераны народной войны в лесах Белоруссии из партизанского отряда имени Дзержинского, когда выступают на заводах и фабриках, в школах, техникумах, институтах с беседами, докладами, лекциями о революционных, боевых и трудовых традициях, о моральном облике строителя коммунизма, о патриотическом долге гражданина СССР. Они непременно вспоминают о своем отважном командире Евгении Ильиче Лизюкове, под руководством которого громили фашистские гарнизоны в деревнях и поселках, взрывали мосты, склады с боеприпасами, наводили ужас на полицаяев и карателей. Как правило, побеждали численно превосходящего, лучше вооруженного противника. И постоянно на самые опасные операции первым шел сам командир.

Так было и 7 июля 1944 года, когда отряд имени Дзержинского вступил в неравный бой с группировкой врага в районе деревни Гребень. Этот бой перешел в рукопашную схватку. Пример мужества и отваги показывал командир. Он погиб смертью героя...

Подобно величавой реке несет в своем огромном сердце народ из прошлого в будущее память о своих лучших сыновьях и дочерях, о тех, кто в годы военного лихолетья заслонил собой родную землю, отстаивал свободу и независимость Родины и завещал новым поколениям не сгибаться под тяжестью грозных испытаний, строить и защищать счастливую жизнь.

Жизнерадостным, разносторонне одаренным, обаятельным видится нам из прошлого командарм А. И. Лизюков. В самые тяжелые дни, в суровой обстановке генерал умел пайти острое слово, веселую шутку, поднимающую настроенные окружающих, дающую уставшим заряд нравственной, духовной энергии. Александр Ильич был твердо убежден в том, что бодрый марш, строевая песня, проникновенные, страстные стихи, лихая пля-

ска, задорные частушки — надежные помощники бойцов и командиров.

По его инициативе регулярно проводились в войсках смотры, конкурсы самодеятельных артистов рот, батарей, состязания духовых оркестров на лучшее исполнение маршей непосредственно в походных колоннах, когда это позволяла обстановка. Нередко устраивались строевые смотры с обязательной проверкой прохождения с песнями.

— В каждом взводе должен быть свой запевала, свой затейник,— наставлял генерал политработников подразделений.

По указанию Лизюкова перед тяжелыми боями и после них обязательно организовывались концерты художественной самодеятельности для личного состава. Если из-за неблагоприятных условий дело осложнялось, то политбойцы собирали заявки у солдат, сержантов, старшин, офицеров на исполнение их любимых произведений по радио.

Часто бывая на передовой, в блиндажах, в тесных укрытиях, Александр Ильич любил в кругу танкистов, пехотинцев, артиллеристов погреться чайком, покурить возле общего костра или печурки, послушать взводных балагуров-остряков, посмеяться над чванливыми арийцами. Тогда не раз бывало, что однополчане, хорошо знавшие своего командира, обращались с просьбой:

— Может, споете, товарищ генерал?

— Гитара у вас найдется?

— В миг отыщем...

Он брал семиструнную, и под мелодичный перебор затихал солдатский круг, слушая чуточку хриловатый баритон:

«Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,

Просто ты умела ждать,
Как никто другой!»

Однажды во время перерыва между боями в соединении приехала фронтовая бригада артистов. Среди них была Лидия Русланова, Михаил Гаркави и другие известные в стране исполнители. После концерта состоялась дружеская встреча с офицерами штаба. В разгар общего веселья Русланова обратилась к Лизюкову с вопросом:

— Какое самое заветное ваше желание?

— Написать хорошую песню,— ответил Александр Ильич.

— О любви?

— Да,— отозвался он. И, помолчав немного, добавил: — К нашей Родине...

Нет, не исполнилось сокровенное. Нет ни музыки, ни стихов. Не успел автор. И все-таки песня состоялась, ибо ею стала сама жизнь А. И. Лизюкова, полная беззаветной сыновней любви к отечеству.

Сейчас, столько десятилетий спустя, беспристрастный читатель может убедиться в том, как хорошо и свободно владел словом Александр Ильич, какими пронзительными, добрыми глазами смотрел он на человека в серой шинели, как любовался его светлой душой, достойными поступками, совершенными на благо общества. В его небольших повестях, рассказах, очерках ярко, самобытно показаны бойцы и командиры в нелегких ситуациях, показаны смелыми, волевыми, негибемыми.

Произведения эти в определенной степени автобиографичны, ибо с их страниц встают кавалеристы-буденновцы, целые экипажи бронепоездов, командиры, комиссары — вчерашние рабочие, крестьяне, студенты. Во многих образах узнаются черты самого автора: его жаж-

да знаний, стремление к справедливости, неиссякаемая жизнерадостность, постоянная готовность идти за дело революции в огонь и в воду. Видно, как из паренька с гомельской фабричной окраины год от года выковывается зрелый командир, трезво мыслящий, государственный человек — военачальник танковых войск. Он растет, поднимается к вершинам своего «броневоего» призвания не в одиночку, а вместе с окружающими людьми, черпает энергию в неиссякаемом роднике новой жизни, творческом поиске.

Несомненно, большой интерес представляют работы А. И. Лизюкова, в которых обобщается его личный фронтовой опыт. Небольшие по формату и объему книжки помогали бойцам и командирам бить фашистов, как выражался сам автор, «по самой короткой дорожке, в самое больное место».

Не случайно, что именно эту сторону творческой деятельности Александра Ильича неоднократно отмечали в своих воспоминаниях и статьях наши выдающиеся полководцы Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский.

Лизюков был разносторонне развитой, одаренной личностью. Он хорошо знал и любил литературу, искусство, не без успеха пробовал силы в прозе и поэзии, тонко понимал и ценил живопись, музыку.

Самой дорогой «музой» для Александра Ильича все-таки стала грозная, разящая броня. В суровом облике стальной крепости на рельсах, отбитой в тяжелом, неравном бою с интервентами и белогвардейцами, она с первой встречи покорила сердце гомельского паренька. Овладела им сразу и на всю жизнь!

В часы коротких перерывов, затиший между боями в тесных казематах происходили жаркие и долгие споры: откуда у брони такая удивительная сила противостояния

любому снаряду, любой бомбе? Откуда у нее не только крепость, но и красота? Объясняли это каждый на свой лад.

— От солнца,— отвечал черноморский флотский командор Василий Солонин.— От огня, расплавившего железо. Отсюда у нее и жароустойчивость.

— От земли,— добавлял хлебороб Ондрий Соха.— Руда добывается из ее чрева. Несет она в себе соки и крепь педр.

— От песни,— упрямо настаивал потомственный путиловский кузнец Никанор Козырев, один из самых умелых и надежных машинистов бронепоезда. Чтобы убедить тех, кто с ним не соглашался, рассказывал древнюю легенду о том, что в старину самые прочные панцири, кольчуги, мечи, наконечники для копий ковались под мелодичный речитатив, которым соизмеряли время закалки и другой обработки металла. Кузнец запевал, молотобоец вторил. Позванивал тенором молоток кузнеца: дзнь-дзень-дзень!

Гремел басом молот его напарника: ух-ух-ух!

Чем задорнее, радостнее звучали голоса у горна над наковальней, чем чаще разлетались искры под точными, сильными ударами железа о железо, тем туже сжимался металл заготовки, обретая необходимые твердость, упругость, гибкость, долговечность. Во весь размах широких патруженных плеч работалось и под песни о чудесном русском раздолье, о жизни без захребетников, о свободной, счастливой доле. И под стать этому рождалась броня чистая, звонкая, не ведающая никаких преград, не знающая износа.

Верой и правдой служила «песенная» броня могучим богатырям России во многих битвах. Надолго запомнили чужеземцы-захватчики сверканье булатных мечей русских полков на льду Чудского озера,

на поле Куликовом, грохот залпов под Бородином.

Более двадцати лет своей жизни посвятил А. И. Лизюков горячо любимому «танковому» призванию. В его короткой, но яркой судьбе, словно в кузнечной легенде, слились крепость закаленной в огне сражений стали с красивой народной песней о счастье жить и творить на свободной земле под мирным солнечным небом отечества.

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо из Богунского полка	5
Крепость на рельсах	17
В академии полководцев	31
Заботы комбрига	43
Перед грозой	54
Переправы в огне	64
Наступает Московская дивизия	77
Под гвардейским знаменем	89
«Неприсменно дойдем до Берлина!»	100
«Мы — лизюковцы!..»	111

Алексей Сергеевич Иванов

БРОНЕВАЯ РАПСОДИЯ

Заведующая редакцией *Е. Чистякова*

Редактор *А. Бармасов*

Художник *В. Горин*

Художественный редактор *Ф. Барбишев*

Технический редактор *Г. Шитова*

Корректоры *Т. Нарва, Е. Коротаяева*

ИБ № 3528

Сдано в набор 30.06.86. Подписано к печати 15.10.86. Л55157. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 5,95. Уч.-изд. л. 5,39. Тираж 50 000 экз. Заказ 2013. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Иванов А. С.
И18 Броневая рапсодия.— М.: Моск. рабочий,
1987.— 125 с.— (Богатыри).

В документальной повести рассказывается о Герое Советского Союза генерал-майоре А. И. Лизюкове, который прошел путь от командира бронепоезда до командующего танковой армией. Он известен также как пылкий военный исследователь, педагог и писатель.

Для широкого круга читателей.

И $\frac{1304010000-137}{M172(03)-87}$ 118-87

ББК 63.3(2)722.78
9(С)27

20 коп.

А. Иванов

БРОНЕВАЯ РАПСОДИЯ

Сражение под Воронежем продолжалось. Комкор не выходил из самого пекла боев. Исключительно опасная ситуация сложилась 25 июля у села Сухая Верейка. Здесь фашистам удалось окружить часть корпуса. Чтобы выручить ее, генерал сам повел в атаку танкистов.